
Д13 5/138

АРТИЛЛЕРІЯ И АРТИЛЛЕРИСТЫ

ВЪ ДО-ПЕТРОВСКОЙ РУСИ.

(Историко-характеристическій очеркъ)

М. Д. Хмыровъ.

АРТИЛЛЕРІЯ И АРТИЛЛЕРИСТЫ

ВЪ ДО-ПЕТРОВСКОЙ РУСИ.

(Историко-характеристическій очеркъ).

Не ищи писавшаго, іли глаголавшаго, но слово пишемое.
Изъ русскихъ прописей 1620 г. (*)

Вопросъ о томъ, имѣла ли до-петровская русь артиллерію и артиллеристовъ въ прямомъ значеніи этихъ понятій, конечно, можетъ и долженъ быть рѣшенъ почти отрицательно. Нельзя отвергать, что ни до-петровскій *нарядъ*, въ смыслѣ совокупности всѣхъ артиллерійскихъ орудій и принадлежавшихъ къ нимъ снарядовъ; ни лица, въ сословномъ качествѣ *пушкарей* потомственно служившія при нарядѣ; ни лица, въ случайномъ составѣ *Пушкарскаго Приказа* вѣдавшія нарядъ,—не были приведены въ то стройное единство, какое представляютъ нынѣшняя артиллерія и нынѣшніе артиллеристы. Да и откуда могло бы взяться подобное единство въ то время, когда нарядъ — покупаемый ли за границею, приготовляемый ли дома — дѣлался безъ всякой системы, по личному произволу

(*) Чтенія въ имп. обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при моск. университетѣ. 1864. Книга II. Смѣсь с. 8.

выписныхъ или доморощеныхъ мастеровъ; когда пушкари, заимствовавшіе пріемы обращенія съ нарядомъ единственно изъ обычая отцовъ, смотрѣли на службу свою, какъ на ремесло; когда самые члены пушкарскаго приказа, возникнувшаго не столько изъ сущности артиллерійскаго дѣла, сколько въ соотвѣтствіе тогдашнему распорядку московской администраціи, получали назначеніе свое не ради какихъ либо спеціальныхъ познаній въ технической, строевой и тѣмъ менѣе теоретической части артиллеріи, а просто въ силу требованій и условій всепроникавшаго мѣстничества.—Совсѣмъ тѣмъ, артиллерійское дѣло велось въ до-петровской руси извѣстнымъ порядкомъ, который, послѣдовательно систематизируясь, не только не отставалъ отъ подобнаго же порядка въ остальной Европѣ, но, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже упреждалъ Европу. Доказательствомъ послѣдняго служитъ, напримѣръ, употребленіе царемъ Иваномъ IV Грознымъ (1533 — 1584) полковой артиллеріи, первоначальное введеніе которой несправедливо приписывается иностранцами шведскому королю Густаву-Адольфу (1611—1632). Что же касается возможности подробно и точно изложить порядокъ развитія артиллерійскаго дѣла въ до-петровской руси,—возможность эта едва ли существуетъ, потому что ни въ обрывкахъ дѣлъ Пушкарскаго Приказа, ни въ другихъ, донынѣ изданныхъ памятникахъ русской старины, не сохранилось многихъ данныхъ, необходимыхъ для полнаго, систематическаго изслѣдованія вопроса о древне-русской артиллеріи. Стало быть и мы, вовсе не имѣя въ виду браться за такое или подобное изслѣдованіе, намѣрены только сдѣлать историко-характеристическій очеркъ артил-

лерійскаго дѣла въ до-петровской руси, который, вмѣстѣ съ имѣющимъ слѣдовать за нимъ очеркомъ: «русская артиллерія и русскіе артиллеристы въ единодержавіе Петра I», послужитъ введеніемъ къ изготовляемому нами ряду біографическихъ статей о русскихъ генералъ-фельдцейхмейстерахъ, какъ главныхъ дѣятеляхъ на поприщѣ постепеннаго совершенствованія русской артиллеріи.

Понятіе о существованіи, дѣйствіи и силѣ какого-то воспламеняющагося разрывно — метательнаго состава жило на Руси издавна. Еще воины Игоревы, прибѣжавъ разбитые изъ-подъ Царьграда, съ ужасомъ разсказывали Кіевлянамъ: «якоже молонья, иже на небесѣхъ, Грьци имуть у собе, и сію пущающа жежаху насъ; сего ради не одолѣхомъ имъ (1)». Дѣло шло о пресловутомъ *греческомъ огнѣ*, тайна котораго,—какъ говорятъ, проданная іерапольскимъ жрецомъ Каллиникомъ Константинополю, а въ 1210 г. подаренная греческимъ имп. Алексѣемъ Комненомъ султану иконійскому, въ отплату за гостепріимство и помощь послѣдняго, — оставалась тайною для русскихъ и въ 1043 г., когда тотъ же греческій огонь разметалъ по Черному морю флотилію княжича Владиміра, сына Ярославова, (2), и въ 1184 г., когда русскіе, уже на собственной землѣ, именно подлѣ г. Хороля, подверглись, въ бою съ Половцами, дѣйствію, вѣроятно, греческаго огня, о чемъ въ Ипатьевской лѣтописи повѣствуется такъ: «пошелъ бяше оканьный и безбожный

(1) Лаврентіевская лѣтопись; См. Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. I. с. 19.
(2) Исторія государства Россійскаго, Н. Карамзина, изд. Эйнерлинга (5-е), т. II. с. 17.

и треклятый Кончакъ, со множествомъ половецъ, на Русь, похупся яко плѣнити хотя грады Рускыѣ и пожещи огньмъ: бяше бо обрѣлъ мужа таковаго бесурменина, *иже стрѣляше живымъ огньмъ.*» ([1]) Зная или не зная о дальнѣйшихъ судьбахъ греческаго огня,— который, если вѣрить нѣмецкимъ хроникамъ, въ 1267 г. былъ химически изслѣдованъ Рожеромъ Бэкономъ, а въ 1320 г. уже натолкнулъ монаха Бертольда Шварца на мысль объ огнестрѣльномъ порохѣ,—русскіе долѣе другихъ европейскихъ сосѣдей своихъ оставались чужды перевороту, произведенному въ военномъ искуствѣ изобрѣтеніемъ пороха—и въ 1382 г., когда во Флоренціи уже были желѣзныя бомбарды въ 2 тыс. ф. вѣсомъ, а въ Аугсбургѣ отливались мѣдныя бронзины и завелись пороховыя мельницы, когда Ганза уже торговала артиллерійскими орудіями и даже Витовтъ литовскій стрѣлялъ, подъ Троками, изъ пушекъ и пищалей ([2]), Москва отбивалась отъ татаръ Тохтамышевыхъ еще по старинѣ: «каменіемъ шибаху на ня, говоритъ лѣтописецъ, а иніи самострѣлы напрязающе пругаху, друзіи же тюфяки пущаху на нихъ и пороки, есть же нѣцыи и самыя тѣ пушки пущаху», ([3]) т. е. пускичи (отъ глагола пускать), тоже камнеметныя махины. Первыя артиллерійскія орудія явились на Руси только въ 1389 г., послѣднемъ княженія Дмитрія Донскаго. Тогда, по сказанію Голицынской лѣтописи, бывшей въ рукахъ Карамзина,

([1]) Ипатіевская лѣтопись, см. Полн. Собр. Рус. Лѣтоп. т. II. с. 128.

([2]) Историческія свѣдѣнія объ огнестрѣльномъ оружіи, пер. съ нѣм. г. Яковлева, 1841. ч. I.

([3]) Новгородская четвертая лѣтопись. см. Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. IV. с. 86.

«вывезли изъ Нѣмецъ арматы на Русь и огненную стрѣлбу, и отъ того часу уразумѣли изъ нихъ стрѣляти». (1)

Были ли эти лѣтописные *арматы*—безъ сомнѣнія, купленные, чрезъ Новгородъ, въ Ганзѣ—тяжелыя желѣзныя бомбарды, отливавшіяся на Рейнѣ, чуть ли не съ 1308 г. (2); или неповоротливыя чугунныя *бусты* эрфуртскаго изобрѣтенія 1377 г., или, наконецъ, мортиры—по нашему *можжиры*—, фландрская новинка 1385 г., они, во всякомъ случаѣ, не могли не быть орудіями страннаго вида, которыя, отличаясь отъ нынѣшнихъ небольшими, отдѣленными отъ длинныхъ каналовъ, каморами безъ запаловъ, но съ задними отверстіями для воспламененія заряда, назначались къ бросанію каменныхъ, желѣзныхъ, огненныхъ, даже какихъ то *вонючихъ* ядеръ, изобрѣтенныхъ въ 1385 г. итальянскимъ аптекаремъ *Shreg*'ою, заряжались шуфлами и прикрѣплялись къ дурно устроеннымъ станкамъ, возвышаемымъ или понижаемымъ помощью подвижныхъ желѣзныхъ брусьевъ. (3) Можно полагать, что и стрѣльба изъ этихъ первовывозныхъ нѣмецкихъ арматовъ — стрѣльба такая, qu'il semblait, говоритъ Фруассаръ, que tous les diables d'enfer fussent en chemin—производилась первоначально по нѣмецкому же обычаю, въ силу котораго, вѣсъ заряда долженствовалъ быть въ-девятеро меньше вѣса снаряда (камня или ядра) (4). Но Русскіе или Нѣмцы стрѣляли въ

(1) Ист. Гос. Росс. т. V. прим. 136.

(2) Ист. свѣд. об. огнестр. ор. ч. I. с. 11.

(3) Исторія Артиллеріи, соч. Деккера, пер. съ нѣм. С. Маркевичемъ. 1833. с. 56—57.

(4) Ист. свѣд об. огнестр. ор. ч I с. 33.

Москвѣ временъ Донскаго, и какъ стрѣляли они, — это дѣло темное.

Извѣстно однако, что артиллерійская часть на Руси не упадала и во дни сына и преемника Донскаго, вел. кн. Василія Дмитріевича (1389 — 1425). При немъ, около 1400 г., сгорѣло въ Москвѣ нѣсколько зданій *отъ дѣланія пороха* ([1]), а въ 1408 г. Москва защищалась отъ Едигея настѣнными огнестрѣльными орудіями, къ которымъ, вслѣдствіе новѣйшихъ изобрѣтеній на западѣ и полнаго процвѣтанія торговли съ Ганзою, могли прибавиться тогда и итальянскія верховыя пушки (Werfkúessel), стрѣлявшія чугунными, даже свѣтящими ядрами съ желѣзными сердечниками, и нѣмецкія бронзины, отливавшіяся въ Аугсбургѣ и Маріенбургѣ изъ состава въ 14 ч. олова на 100 ч. мѣди. ([2])

Въ княженіе сына и преемника Василіева Василія Темнаго (1425—1462) количество московской выписной артиллеріи было таково, что въ 1451 г., ознаменованномъ нашествіемъ къ Москвѣ татарскаго царевича Мазовши, и каменныя стѣны и земляные раскаты московскаго кремля унизывались огнестрѣльными орудіями, ([3]) которыя, въ добавокъ, и прежде и вскорѣ послѣ того водились уже не въ одной Москвѣ. Такъ, кн. Дмитрій Юрьевичъ Шемяка, врачь и соперникъ Василія Темнаго, готовясь, въ 1450 г., къ послѣдней удѣльной битвѣ съ Москвою, укрѣпилъ свой Галичъ

([1]) Ист. гос. росс. т. V с. 70 и прим. 136.

([2]) Ист. свѣд. объ огнестр. ор. ч. I с. 25.

([3]) Памятники Московской древности, И. Снегирева. 1842 — 1845 с. 319.

пушками ([1]). Псковичи, осадивъ, въ 1463 г., нѣмцевъ въ Новомъ городкѣ, «пустиша болшею пушкою на городокъ, и колода вся изламалася, и желѣза около разорвашася; а пущича вся цѣла», говоритъ лѣтописецъ ([2]). Въ Новгородѣ, въ 1471 г., нѣкто Упядышъ, изъ преданности Москвѣ, въ одну ночь заколотилъ 55 пушекъ, за что и былъ казненъ Новгородцами ([3]).

Не смотря однако на такое распространеніе артиллерійскаго элемента въ тогдашней Руси, здѣсь, какъ и въ остальной Европѣ, огнестрѣльныя орудія продолжали еще дѣйствовать соединенно съ неогнестрѣльными махинами, такъ что, иной разъ трудно бываетъ понять, о какихъ именно пушкахъ идетъ рѣчь.

Но когда, уже по вокняженіи сына и преемника Василіева Ивана III (1462—1505), Русскіе — если и не слыхавшіе о подвижныхъ венеціанскихъ кулевринахъ, выдуманныхъ въ 1447 г.,—свѣдали о возможности вывозить орудія даже въ полевыя сраженія, какъ употреблены были, напр., болонскія спингарды въ бою у Рикардино, въ 1467 г., — положительное отдѣленіе махинъ отъ орудій на Руси долженствовало совершиться неминуемо, а затѣмъ у русскихъ естественно могла родиться мысль: прекративъ выписываніе «изъ Нѣмецъ» тяжелыхъ огнестрѣльныхъ орудій, — почти безразлично слывшихъ на Руси *пушками*, *тюфяками* *и пищалями*, *ломовыми и затинными* ([4]) — начать

([1]) Ист. гос. росс. т. V с. 198.

([2]) Псковская первая лѣтопись, с. 224 — см. Полн. Собр. рус. лѣт. т. IV [illegible]

([3]) Ист. гос. рос. т. VI с. 28.

([4]) Историческое описаніе одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ, А. Висковатова. 1841 т. I тетр. VII.

изготовленіе всякихъ орудій у себя дома, по образцамъ болонскимъ. Съ этою-то цѣлію Иванъ III, отправляя, въ 1473 г., посольство къ дожу венеціанскому, наказывалъ послу своему, Семену Толбузину, разыскать въ Венеціи и пригласить въ Москву искуснаго зодчаго, который бы съ тѣмъ вмѣстѣ былъ хорошій литейщикъ. «Семенъ Толбузинъ, сказано въ одной лѣтописи, и привелъ съ собою мастера *Муроля*, кой ставитъ церкви и полаты, Аристотеля именемъ, такожъ и пушечникъ оной нарочитъ, лити ихъ и бити изъ нихъ, и колоколы, и ино все лити хитръ вельми» ([1]). Этотъ «мастеръ Муроль, Аристотель именемъ» былъ знаменитый тогда въ Европѣ механикъ, инженеръ и архитекторъ *Альберти Фіораванти*, надѣлавшій архитектурныхъ чудесъ въ Болоньѣ, пожалованный венгерскимъ королемъ, за постройку необычайнаго моста, въ рыцари, сильно приглашаемый султаномъ Магометомъ II въ Константинополь, и на столько извѣстный всѣмъ, что «хитрости ради его, свидѣтельствуетъ другая лѣтопись, Аристотелемъ зваху его». ([2]) Явясь въ 1474 г. съ сыномъ и ученикомъ—«Петрушею зовутъ» — въ Москву, на условіи получать ежемѣсячно *десять рублей* (т. е. какъ замѣчаетъ Карамзинъ, около двухъ фунтовъ серебра), Фіораванти немедленно приступилъ къ отстройкѣ Успенскаго собора, по окончаніи которой въ 1479 г., занялся литьемъ орудій, для чего въ Москвѣ была за-

---

([1]) Лѣтопись московской типографской библіотеки.—См. Энциклопедическій словарь, составленный русскими учеными и литераторами 1860—1862 т. III (статья: *Альберти Фіоравантu*).

([2]) Софійская вторая лѣтопись.—См. Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. VI. с. 199.

ведена особая *пушечная изба*, находившаяся у трехъ мостовъ изъ Флоровскихъ (Спасскихъ) воротъ въ Китай-городъ и сгорѣвшая въ 1488 г. (¹)

Какими правилами руководился Фіораванти, какъ литейщикъ, опредѣлить мудрено, благодаря таинственности, которою по суевѣрію или обычаю окружались всѣ производства мастеровъ того времени. Можно однако полагать, что Фіораванти, «пушечникъ нарочитъ, лити ихъ (орудія) и бити изъ нихъ», отливалъ каморы и каналы—каждые особенно—изъ чугуна или мѣди съ оловомъ, на желѣзныхъ стержняхъ, сглаживая внутреннюю поверхность частей сверлами и связывая потомъ обѣ части. (²) Образчикомъ такого литья служитъ хранящаяся до сихъ поръ въ С. Петербургскомъ арсеналѣ мѣдная—безъ цапфъ и дельфиновъ, но съ фризами на дулѣ и торели—пищаль 2 ф. калибра, длиною въ 1 ар. 15 в., вѣсомъ 4 п. 26 ф., съ надписью (вязью), сбивчиво считающею годъ отливки 6993 (1485) *тридцатымъ* княженія Ивана III, но сохранившею имя мастера «Яковъ»,—котораго однако не должно смѣшивать съ другимъ пушечникомъ Яковомъ же, выѣхавшимъ изъ Венеціи только въ 1490 г., о чемъ скажется ниже. Яковъ, оставившій имя свое на пищали С. Петербургскаго арсенала, отливалъ такія же орудія и ранѣе 6993 (1485) г.: извѣстно, напр., что въ 1667 г. на стѣнахъ Смоленскихъ, между прочимъ нарядомъ, находилось мѣдное орудіе, длиною 2½ арш. вѣсомъ 16 п. съ надписью: «по повелѣнію благовѣрнаго и христолюбиваго великаго князя Ивана Василье-

---

(¹) Памятн. Моск. древн. с. 331.

(²) Деккеръ, с. 58.

вича, господаря всея Русіи, сдѣлана бысть сія пушка въ лѣто *шесть тысячь девять сотъ девяносто перваго* (1483), мѣсяца апрѣля, въ *двадесятое* лѣто господарства его; а дѣлалъ Яковъ» (1). Куда дѣвалась «сія пушка», превосходящая стариною древнѣйшее изъ сохранившихся донынѣ русскихъ артиллерійскихъ орудій, къ сожалѣнію, неизвѣстно.

Орудія, выходившія изъ мастерской Фіораванти, но отливаемыя, едва ли не Яковомъ, стрѣляли уже съ помощью *кусковъ* пороховаго состава, а не мякоти, какъ прежде, и, принаровленныя къ укладкѣ на двустанинные лафеты, были, по свидѣтельству иноземцевъ, (2) впервые употреблены въ дѣло при осадѣ и взятіи русскими Феллина въ 1482 г. — обстоятельство вѣроятное, хотя и не упоминаемое русскими лѣтописцами. Но такъ какъ введеніе искуствъ и ремеслъ на Руси шло тогда полнымъ ходомъ и одного Фіораванти не ставало даже на одно литейное дѣло въ Москвѣ, то Иванъ III, въ томъ же 1482 г. завязавшій сношенія съ Венгріею, просилъ венгерскаго короля Матвѣя Корвина прислать въ Москву разныхъ художниковъ и между ними, *во-первыхъ*, умѣющихъ лить пушки и стрѣлять изъ нихъ. «Услужи намъ, велѣлъ сказать королю государь московскій, и мы услужимъ тебѣ всѣмъ, что есть въ государствѣ» (3). На этотъ разъ однако желаніе Ивана III не исполнилось, потому что дьякъ Курицынъ, на возвратномъ пути

---

(1) Дополненія къ актамъ историческимъ, собр. и изд. Археографическою Коммисіею т. V. № 51 (с. 304.)

(2) Деккеръ, с. 58.—Мейеръ, с. 48.

(3) Ист. Гос. Рос. т. VI. с. 108.

изъ Венгріи, былъ задержанъ Турками въ Бѣлградѣ. Слѣдовательно, Фіораванти съ Яковомъ оставались по прежнему единственными московскими артиллеристами ex-officio—и въ 1485 г., во время похода Ивана III на Тверь, Фіораванти же командовалъ всѣмъ огнестрѣльнымъ снарядомъ (¹), въ составъ котораго тогда могли входить и пушки отъ 17 до 23 калибровъ, и *гафуницы* или гаубицы, назначенныя для стрѣльбы каменною картечью, и небольшія желѣзныя пищали, въ родѣ тѣхъ, что хранятся въ С. Петербургскомъ арсеналѣ, и даже *органы*, т. е. орудія малыхъ калибровъ, по нѣскольку на одномъ станкѣ. Все это возилось на двустанинныхъ лафетахъ, парою или одиночкою въ оглобляхъ, большія орудія съ передкомъ (²). Вскорѣ послѣ тверскаго похода, товарищемъ Фіораванти и Якова по литейному дѣлу въ Москвѣ является венеціанецъ *Павелъ Дебосисъ*, выліившій въ 1488 г. огромную царь-пушку, (³) но, какъ увидимъ, не ту, которая до сихъ поръ составляетъ одну изъ московскихъ достопримѣчательностей. Въ 1490 г. русскіе послы, возвратившіеся изъ Рима въ Москву, «приведоша къ великому князю, говорятъ лѣтописцы, мастеровъ: архитектонъ именемъ Петръ Антоній, да ученикъ его Замонтоній, мастеры стѣнные и полатные, да *пушечнаго мастера Якова* съ женою» (⁴). Къ слѣдующему 1491 г. относится пер-

---

(¹) Тамъ же, с. 111.

(²) Военный Энциклопедическій Лексиконъ Изд. 2. т. I (статья *Артиллерія*) с. 539.

(³) Ист. Гос Рос. т. VI с. 70.

(⁴) Временникъ Имп. Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ кн. 16 Смѣсь с. 21.

вое лѣтописное свидѣтельство о рудномъ дѣлѣ на Руси, столь необходимомъ для литейнаго: «Посланъ на Печору руды искать нѣмецъ Иванъ, да Викторъ, а съ ними посланъ Андрей Петровъ, да Василій Ивановъ сынъ Болтинъ» ([1]).

Эти люди, блуждая болѣе полугода въ дикихъ дебряхъ и крутыхъ горахъ, нашли, у р. Цильмы, серебряную руду, потомъ мѣдную, «и съ того времени, говоритъ Карамзинъ, мы начали сами добывать, плавить металлы» ([2]). Въ 1494 г. выѣхалъ въ Москву изъ Милана литейщикъ Петръ Антоній. ([3]) Въ 1499 г., часть московскаго наряда, подъ начальствомъ кн. Ив. Андр. Суздальскаго Барбашина, Мих. Конст. Беззубцева и Андр. Вас. Сабурова, впервые ходила *на судахъ* къ Казани, и Миланецъ Алевизъ, за — ново укрѣпляя московскій Кремль, сдѣлалъ въ стѣнахъ «для огненнаго боя (стрѣльбы) мушкетные и *пушечные* бои (бойницы)», съ каменными на заднихъ кружалахъ площадками, для помѣщенія военнаго снаряда и ратныхъ людей ([4]), а въ 1500 г, количество московскаго наряда увеличилось захватомъ у литовцевъ всѣхъ орудій, какія были съ ними въ битвѣ на р. Ведрошѣ, гдѣ побѣдителями остались Русскіе. Этимъ случайнымъ приращеніемъ наряда заключаются извѣстія о немъ въ княженіе Ивана III, который, положивъ истинное начало, если не артиллерійскому, то литейному дѣлу на Руси, оставилъ послѣднее въ рукахъ мастеровъ италь-

---

([1]) Тамъ же кн. 5 лѣтописецъ Нормантскаго с. 5.
([2]) Ист. Гос. Росс. т. VI с. 140.
([3]) Тамъ же, прим. 104.
([4]) Памятн. Моск. древн. с. 320.

янскихъ, уже подлежавшихъ—на ряду со всѣми, нерѣдкими тогда въ Москвѣ, иноземцами—дѣйствію особыхъ узаконеній. Такъ, пользуясь свободою пріѣзда, выѣзда, отправленія церковныхъ обрядовъ по уставамъ своихъ вѣроисповѣданій и правами: владѣть домами въ городахъ, пріобрѣтать ненаселенныя земли, не обязываться цѣховыми формальностями, составлять товарищества и брать русскихъ въ ученье, иноземные мастера, въ проѣздахъ по дорогамъ, на-ряду со всѣми подвергались взыманію *головщины* (личная проѣзжая пошлина), *мостовщины* и *перевозовъ*, а въ дѣлахъ внутреннихъ и уголовныхъ были подсудны митрополиту, но въ искахъ другъ на другѣ вѣдались между собою: «А который чюжеземецъ — гласитъ судебникъ Ивана III — на чюжеземце чего взыщетъ, ино того воля на комъ ищутъ, хочетъ отцелуется (присягнетъ), что в томъ не виноватъ, или у креста положитъ чего на немъ ищутъ, и истецъ поцеловавъ крестъ да возметъ.» ([1]) Впрочемъ, участь иноземцевъ на Руси, помимо общихъ и особыхъ узаконеній, зависѣла единственно отъ великокняжескаго произвола: въ 1485 г., нѣмецъ Антонъ, залечившій до смерти сына одного изъ служилыхъ татарскихъ царевичей, былъ, по приказанію вел. князя, выданъ Татарамъ, которые зарѣзали несчастнаго подъ Москворѣцкимъ мостомъ, а въ 1490 г. самъ Иванъ III велѣлъ казнить выкреста изъ Евреевъ мастера Леона, которому, не смотря на клятвенное обѣщаніе его, не удалось вылечить и спасти

([1]) Законы В. К. Іоанна Василіевича и внука его Царя Іонна Василіевича. 1819 с. 21.—О правахъ иностранцевъ въ Россіи до вступленія Іоанна III Васильевича на престолъ великаго княжества московскаго, И. Андреевскаго 1854.

отъ смерти сына великокняжескаго, княжича Ивана Младаго. Упоминаемъ объ этихъ двухъ случаяхъ потому только, что при первомъ изъ нихъ испуганный Фіораванти собрался немедленно уѣхать за границу, но былъ схваченъ и на нѣкоторое время заключенъ въ своемъ домѣ. (1)

Во всякомъ случаѣ, начало княженія сына и преемника Иванова Василія (1505—1533) было очень несчастливо для многихъ иноземцевъ, служившихъ при московскомъ нарядѣ. Отправясь въ 1506 г. съ частью наряда, подъ начальствомъ брата великокняжескаго Дмитрія, на судахъ въ Казань, они приняли участіе въ битвѣ съ татарами, 25 іюня, на Арскомъ полѣ—и тутъ погибли всѣ, кромѣ одного, который и привезъ орудія въ Москву. Но когда этотъ иноземецъ, съ прочими разбитыми воеводами, представлялся вел. князю, Василій, милостиво принявъ воеводъ, гнѣвно сказалъ ему: «Ты берегъ снарядъ, а не берегъ себя? Знай же, что люди искусные мнѣ дороже пушекъ» (2) — слова замѣчательныя, прямо показывающія и обиліе тогда московской артиллеріи, и недостатокъ при ней въ артиллеристахъ. Не сохранилось однако никакихъ свѣденій о томъ, были ли между тогдашними артиллеристами какіе нибудь русскіе люди и, если были, назначались ли они къ наряду временно, когда настояла въ томъ нужда, что и вѣрнѣе, или начинали уже становиться постоянными пушкарями. О послѣднемъ можно развѣ только догадываться, сообразивъ, что въ 1510 г., при окончательномъ сокрушеніи сво-

(1) Ист. Гос. Росс. т. VI. с. 121.
(2) Тамъ же, т. VII, с. 8.

боды Пскова и назначеніи туда московскихъ намѣстниковъ, Василій оставилъ Псковичамъ 1000 туземныхъ боярскихъ дѣтей и 500 *пищальниковъ* ([1]) — званіе на столько же близкое къ званію пушкарей, на сколько пищаль не далека отъ пушки. Даже учрежденіе званія *оружничаго*, послѣдовавшее въ 1511 г., не проливаетъ никакого свѣта на этотъ вопросъ, хотя оружничій, по мнѣнію многихъ изслѣдователей русской старины, вѣдалъ *все*, что называлось оружіемъ и къ нему принадлежало, а по утвержденію г. Успенскаго, «былъ тоже, что потомъ генералъ-фельдцейхмейстеръ», ([2])— съ чѣмъ согласиться и можно и нѣтъ, смотря потому, какъ понимать, напр., слѣдующее, правда, позднѣйшее 1511 г., за то подробнѣйшее изложеніе обязанностей оружничаго: «болярииъ и оружейничей то есть, что устроянетъ въ нашей царскаго величества оружейной полатѣ всякіе наши государскіе воинскіе брони, что употребляемъ мы великій государь наше царское величество въ воинское время противъ непріятель. Еще жъ то его должность, чтобъ всего нашего государства рейтарскіе и пѣхотные полки устроены были всякимъ ратнымъ устроеніемъ, что къ воинскому дѣлу належитъ, и въ нашей для царскаго величества казнѣ *всякихъ воинскихъ припасовъ было въ запасъ излишнее*» ([3]). — Что касается матерьяльной стороны русскаго наряда временъ Васильевыхъ, она, имѣя на челѣ своемъ итальянцевъ—между которыми

([1]) Тамъ же с. 27.

([2]) Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ, г. Успенскаго. 1818. Ч. II, с. 282.

([3]) Архивъ историко-юридическихъ свѣденій, относящихся до Россіи, изд. Н. Калачевымъ 1850. Кн. I. Отд. II, с. 28.

Василій, по свидѣтельству Герберштейна, особенно ласкалъ *Бартоломея*, принявшаго въ Москвѣ православіе ([1]), — не могла оставаться чуждою улучшеніямъ артиллерійской части въ остальной Европѣ. И много ли, мало ли запоздалъ русскій нарядъ принятіемъ каморныхъ орудій, изобрѣтенныхъ въ 1508 г. въ Баръ-Ле-Дѣкѣ, онъ уже въ 1513 г. имѣлъ пушечныхъ мастеровъ изъ природныхъ русскихъ, напр. Булгака Ноугородова ([2]), а въ 1514 г. обстрѣливалъ осажденный Смоленскъ ядрами, *окованными свинцомъ*, при чемъ особенно отличался главный московскій пушкарь *Стефанъ*, который ужаснымъ дѣйствіемъ пушекъ своихъ колебалъ стѣны и толпами валилъ людей ([3]). Но, всего мѣсяца полтора спустя, и этотъ Стефанъ и пушки его, находившіяся, по воинскому распорядку до петровской рати, въ составѣ Большаго Полка, вѣроятно попали въ бѣду подъ Оршею, гдѣ Большой Полкъ, благодаря измѣнѣ вождя своего, боярина Мих. Львовича Глинскаго, былъ разбитъ на голову литовскими войсками подъ начальствомъ Кн. Острожскаго, который полонивъ, всѣхъ воеводъ, захватилъ и весь огнестрѣльный снарядъ Большаго Полка,—потеря, едва ли вознагражденная отбитіемъ въ 1517 г., у того же кн. Острожскаго, подъ Опочкою, всей бывшей съ нимъ артиллеріи При новомъ походѣ на литовцевъ въ 1519 г., нарядъ не только является дѣйствующею частью разныхъ отрядовъ войскъ, выступавшихъ съ нимъ изъ разныхъ городовъ, но въ личномъ составѣ своемъ—

([1]) Ист. Гос. Росс. т. VII, с. 8 и прим. 12.

([2]) Дополненія къ Актамъ Историческимъ, собр. и изд. Археографическою Коммиссіею. 1853. т. V. № 51 (стр. 304).

([3]) Ист. Гос. Росс. т. VII. с. 37.

едва ли не впервые—усиливается *посохою*, т. е. даточными людьми, которые сбирались, въ опредѣленномъ количествѣ, съ каждой *сохи* (750, по другимъ 800 четвертей земли) ([1]), отбывали временную службу и за это освобождались отъ разныхъ поборовъ, хотя бы слѣдовавшихъ даже монастырямъ ([2]). Справедливо или нѣтъ мнѣніе, что посошные люди назначались чаще къ службѣ у наряда, а также несли обязанности нынѣшнихъ саперовъ и минеровъ, распорядокъ посохи именно 1519 г., любопытенъ для насъ въ томъ отношеніи, что онъ нѣкоторымъ образомъ уясняетъ тогдашній способъ передвиженія наряда съ постоянныхъ пунктовъ на мѣста назначенія. «Посла князь великій, говоритъ лѣтописецъ, своего новгородскаго намѣстника Кн. Вас. Шуйскаго съ новгородскою силою и съ снарядомъ большимъ, а изъ Пскова брата его Кн. Ив. Шуйскаго, со Псковскою силою и съ снарядомъ и съ пищальники и съ посохою, *а со священниковъ кони и телѣги*, и повезоша *нарядъ* рѣкою великою до пристани, а отъ пристани *на псковскіе кони и телѣги положиша и приставиша къ нему посоху* къ Полоцку, и начаша туры (батареи) подъ городомъ ставити и пушками бити городъ» ([3]). Вслѣдъ за тѣмъ—и, вѣроятно съ покупкою у Ганзы новоизобрѣтенныхъ, въ 1520 г., въ Бреславлѣ, желѣзныхъ и чугунныхъ ядеръ—итальянскій элементъ въ ближайшемъ завѣдываніи русскимъ нарядомъ очевидно смѣняется

([1]) *Четвертью земли* называлось, въ смыслѣ кадастральномъ, такое пространство, *на засѣвъ* котораго требовалась *четверть ржи*.

([2]) Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцовскаго музеума, сост. А. Востоковымъ. 1842; с. 93.

([3]) Ист. Гос. Росс. т. VII, прим. 199.

нѣмецкимъ такъ, что уже въ 1521 г. Москва, угрожаемая нашествіемъ крымскаго хана Мегметъ-Гирея, возлагаетъ всѣ надежды свои на главу московскихъ пушкарей, нѣмца *Никласа* изъ Шпейера, а въ Рязани, начальствуемой тогда извѣстнымъ Хабаромъ Симскимъ, отличается удивительно мѣткими выстрѣлами по толпамъ татаръ и литовцевъ пушкарь *Іорданъ*, нѣмецъ изъ окрестностей Инспрука. Почти къ тому же времени относится и первое употребленіе русскими наряда, какъ главной обороны — едва ли не перваго у русскихъ—укрѣпленнаго лагеря: весною 1522 г., по вѣстямъ о приближеніи крымцевъ, вел. князь лично вывелъ войска и нарядъ изъ Москвы, дошелъ съ ними до Коломны, и тутъ, на берегу Оки, расположился станомъ подъ защитою пушекъ. Но тогдашній русскій нарядъ, сильный и грозный на стѣнахъ и въ окопахъ единственно подъ командою спеціалистовъ чужеземныхъ, продолжалъ погибать ни за что, поступая въ распоряженіе или незнакомыхъ съ дѣломъ, или мѣстничавшихся воеводъ— и вотъ почему, въ томъ же 1524 г., когда французскій король Францискъ I, въ бою подъ Павіей, уже показывалъ примѣръ употребленія артиллеріи какъ самостоятельной части войска (trois bandes d'artillerie), русскій военачальникъ кн. Иванъ Палецкій, плывшій съ нарядомъ и хлѣбомъ въ Казань Волгою, не зналъ какъ справиться съ нарочною запрудою въ узкомъ мѣстѣ рѣки и, осыпаемый съ нагорнаго берега стрѣлами черемисовъ, бѣжалъ, побросавъ въ воду почти весь нарядъ, ему ввѣренный, а въ 1530 г. у русскихъ, осаждавшихъ Казань, «промежъ большими воеводами пришла брань и обозу

города гуляя ([1]) не сомкнуша, и пришла черемиса и городъ-гуляй взяли, и пищалей затинныхъ (ломовыхъ) 70... и на той стражѣ убили кн. Өед. Вас. Лопату и кн. Ив. Ос. Дорогобужскаго, Порашу да Игн. Ив. Жулебина, да Григ. Андр. Сабурова, да Өед. Тим. Замятина» ([2]) — вѣроятно начальниковъ наряда.

Въ слѣдующемъ 1531 г. «загорѣся — повѣствуетъ лѣтописецъ—въ Нижнемъ-Новгородѣ на посадѣ, выше Козьмы и Даміана, и кровля городская и *зеліе пушечное* въ ивановской стрѣльницѣ, и паде стрѣльница, и внутри дворъ сгорѣ великаго князя... И загорѣся *зеліе пушечное* въ Москвѣ, на успенскомъ врагѣ, на олевизовскомъ дворѣ: *дѣлаша бо на томъ дворѣ градскіе люди*, и сгорѣ во единъ часъ болѣе 200 человѣкъ» ([3])—событія, конечно, печальныя, но доказывающія, что въ городахъ уже имѣлись склады пороха, который, изготовляясь въ Москвѣ, быть можетъ, зернился конными бѣгунами, какъ начали дѣлать это, съ 1525 г., въ Бреславлѣ.—Во всякомъ случаѣ, существованіе по городамъ пороховыхъ складовъ предполагаетъ уже достаточное, по тому времени, развитіе на Руси артиллерійскаго дѣла, будущему котораго вел. кн. Василій, умершій въ 1533 г., оказалъ немаловажную услугу тѣмъ уже, что запретилъ вывозить за границу желѣзо и оружіе ([4]).

([1]) *Гуляй—городомъ*, какъ извѣстно, называлось подвижное укрѣпленіе изъ большихъ саней или повозокъ, съ деревянными щитами, въ которыхъ дѣлались бойницы.

([2]) Ист. Гос. Росс. Т. VII, прим. 302.

([3]) Тамъ же, прим. 380.

([4]) Тамъ же, с. 124.

Въ бѣдственное для Россіи малолѣтство сына и преемника Василіева Ивана IV (1533—1584), имѣвшаго, со временемъ, сдѣлаться и слыть Грознымъ, городовой нарядъ былъ уже, какъ видно, главнымъ средствомъ городовой обороны, и повсемѣстно, особенно же въ пунктахъ пограничныхъ или украинныхъ, содержался въ порядкѣ и немаломъ количествѣ. Только при этихъ условіяхъ Стародубъ и Черниговъ могли, въ 1534 г. отразить литовцевъ съ такимъ успѣхомъ, что воевода стародубскій кн. Александръ Кашинъ захватилъ и тогда же прислалъ въ Москву 40 литовскихъ пушкарей со всѣми ихъ орудіями, а воевода черниговскій кн. Ѳедоръ Мезецкій отбилъ у литовцевъ всѣ пушки и весь обозъ. Если же городовому наряду и не удавалось иной разъ какъ слѣдуетъ выполнить свое назначеніе городовой обороны, то неудачи такого рода могли зависѣть отъ обстоятельствъ исключительныхъ, какъ случилось это, напр., съ тѣмъ же Стародубомъ, который въ 1536 г. былъ взятъ литовцами только при помощи тайнаго подкопа, «а лукавства того покопованья—наивно замѣчаетъ лѣтописецъ—не познали, что напередъ того въ нашихъ странахъ небывало покопованья» ([1]). Литейное дѣло, не смотря на стѣснительныя для народа неурядицы боярскаго правленія, шло, какъ кажется, безостановочно: въ С. Петербургскомъ арсесалѣ до нынѣ хранится отлитый тогда въ Москвѣ *дробовикъ*, 5 дюймоваго калибра, длиною 1 арш. 5½ вершк., вѣсомъ 5 пуд. 30 ф., съ надписью въ четыре строки: «Іоанъ Божіею милостію всея Русіи въ лѣто 7050 (1542), а дѣлалъ Игнатей». — Въ 1545 г. и пушкари,

---

([1]) Временникъ. Кн. 5. Лѣтоп. Нормантскаго, с. 34.

повидимому, постоянные, и пищальники, въ качествѣ даточныхъ, и даже пороховое дѣло, производимое неизвѣстно какимъ способомъ,—являются едва ли не по всей Руси, что видно изъ слѣдующихъ мѣстъ разряднаго и разметнаго списковъ о сборѣ съ Новгорода и новгородскихъ пятинъ ратныхъ людей и пороха, по случаю казанскаго похода: «... Да съ ноугородцкихъ же посадовъ, и съ пригородовъ съ посадовъ, и съ рядовъ, и съ погостовъ нарядити 2000 *пищалниковъ*... а на тѣхъ бы людехъ на всѣхъ на нихъ однорядки, или сермяги, крашены.. *Да съ 20 дворовъ пудъ зелья*, со всѣхъ дворовъ *чей дворъ нибуди*, а зеліе велѣно прислати на первомъ пути... А съ *пушкарей*, и съ пищалниковъ, пищалного зелья имати государь князь великій *не велѣлъ*, потому что имъ быти самимъ на государевѣ службѣ... *А которымъ людемъ зелья добыти не мочно, и государь князь великій велѣлъ тѣмъ людемъ дати мастеровъ емчюжныхъ* (селитроваровъ) *и пищалниковъ*; *а велѣлъ имъ варити зелье тѣмъ людемъ собою, а мастеромъ имъ указывати*» (1). Въ 1547 г., на московскомъ пушечномъ дворѣ — въ приходѣ св. Софіи Премудрости, близъ нынѣшняго Кузнецкаго моста—отлиты первыя 16 пуд. *волконейки* (2), т. е. фалконеты, изобрѣтенные итальянцами въ 1536 г., а 12 апрѣля того же 1547 г. «у рѣки Москвы, въ стрѣльницѣ, загорѣшесь зеліе пушечное»—и произошелъ губительный пожаръ, который, сопровождаясь страшными взрывами большихъ пороховыхъ складовъ,

(1) Акты, собранные въ библіотекахъ и архивахъ Россійской Имперіи археографическою экспедиціею академіи наукъ. Т. I. № 205.

(2) Москва, или историческій путеводитель по знаменитой столицѣ государства россійскаго. 1831. Ч. III, с. 170.—Энциклопедическій Лексиконъ, изд. Плюшара. Т. III, статья *Арсеналъ*.

испепелилъ почти всю Москву, а съ нею уничтожилъ значительную часть настѣннаго кремлевскаго наряда, потому что тогда, отъ жара, «желѣзо яко олово разливашеся и мѣдь яко вода растаяваше», говоритъ лѣтописецъ ([1]). Однако не далѣе какъ въ 1550 г., грозный нарядъ, подъ начальствомъ боярина Вас. Мих. Юрьева, уже слѣдовалъ за молодымъ царемъ къ Казани, гдѣ онъ, съ позиціи на устьѣ Булака и Поганаго озера, весь день 14 февраля громилъ столицу казанскаго царства, но потомъ, за проливными дождями, не могъ дѣйствовать—и 25 февраля, впереди прочихъ войскъ, былъ отправленъ назадъ въ Москву.

Съ учрежденіемъ около 1551 г. *перваго* на руси *постояннаго* войска стрѣльцовъ ([2]),—кадромъ котораго послужили, замѣтимъ, 1000 челов. пищальниковъ, изстари причислявшихся къ пушкарямъ,—вся русская система приняла иной, правильнѣйшій видъ, конечно, долженствовавшій отразиться и на распорядкѣ артиллерійскаго дѣла въ тогдашней Руси. Дѣйствительно, мы видимъ, что съ этого времени, къ личному составу наряда начинаютъ постоянно принадлежать пушкари, затинщики, воротники, кузнецы, плотники, засѣчные сторожа и по временамъ, посоха, которой напр. въ ливонскомъ походѣ 1577 г., было 12 тыс. челов. при 34 орудіяхъ.—Ни одинъ походъ, начиная съ казанскаго въ 1552 г., не совершается безъ наряда, ввѣряемаго какъ отдѣльная часть войска, особому на-

([1]) Ист. Гос. Росс. Т. VIII, прим. 173.

([2]) Царственная книга, изд. 1769, с. 184.—Исторія военнаго искусства въ Россіи отъ начала Руси до царствованія Алексѣя Михайловича. См. Военный Журналъ 1856 Кн. I, с 38.

чальнику или двумъ, даже тремъ, при которыхъ съ 1559 г. являются *головы у наряда*, вѣроятно въ полкахъ ([1]). Въ 1576 г. начальникамъ наряда впервые поручена команда и надъ обозомъ, но головы къ наряду и обозу распредѣлены порознь ([2]). Назначеніе къ наряду, не смотря на полное тогда развитіе мѣстничества, какъ кажется, менѣе всѣхъ другихъ назначеній подлежало вліянію родовыхъ счетовъ и едва ли не единственно зависѣло отъ личнаго выбора государя. По крайней мѣрѣ, въ кучѣ мѣстническихъ дѣлъ того времени, мы встрѣчали *случаи* между лицами, одновременно назначавшимися къ наряду—напр. въ 1576 г. челобитье Далмата Карпова, третьяго у наряда, на боярина кн. Сицкаго, перваго у наряда, и наряднаго головы кн. Елецкаго на Далмата Карпова ([3]),—но не нашли ни одного, въ которомъ мѣстники *утягивали* бы другъ друга какими нибудь указаніями на службу при нарядѣ сравнительно съ другою службою. Стало быть, можно полагать, что назначеніе къ наряду—разумѣется, въ походѣ—обусловливалось какими нибудь исключительными достоинствами, опытностію или знаніями назначаемаго лица и, въ этомъ отношеніи,—имѣло мало или не имѣло ничего общаго съ назначеніемъ въ Пушечный и, позднѣе, Пушкарскій При-

---

([1]) Древняя Россійская Вивліоѳика, изд. Н Новиковымъ въ 1791 г. Т. XIII. (См. разряды).

([2]) Тамъ же, т. XIV (см. разряды). Синбирскій Сборникъ. 1845. Т. I. (См. разрядная книга).

([3]) Тамъ же (въ разрядной Синбирскаго Сборника подъ 1575 г.)—«И государь царь і великиі князь—сказано въ отвѣтъ челобитчикамъ—велелъ быті на тоіі службе *безмѣстно* боярамъ и воеводамъ; а какъ служба минется, и государь велитъ тогды и счотъ дать». (Синб. Сбор. с. 51).

казъ, члены котораго, оставаясь всегда на мѣстѣ, въ Москвѣ, избирались не безъ соображенія съ ихъ родовою или разрядною степенью. По этому, не будетъ лишнимъ напомнить нынѣшнимъ артиллеристамъ имена лицъ, начальствовавшихъ нарядомъ того времени. Изъ нихъ, въ продолженіе царствованія Ивана IV Грознаго, чаще другихъ упоминаются: 1) *первыми воеводами*: подъ 1552, 1555 и 1560 г.,—бояринъ Мих. Як. Морозовъ, отличныя дѣйствія котораго при взятіи Казани, въ 1552 году, вѣроятно извѣстны каждому образованному артиллеристу; подъ 1564 и 1572—1575 гг.—кн. Юр. Ив. Токмаковъ, бывшій, напр. въ 1572 г., и *первымъ* въ Москвѣ «для осаднаго случая»; подъ 1574, 1576 и 1577 гг.—кн. Сем. Коркодиновъ, начальствовавшій то нарядомъ, то обозомъ; 2) *вторыми и третьими воеводами*: подъ 1557,1570 и 1576 гг.—дьякъ Вас. Мих. Ржевскій, извѣстный смѣлымъ подвигомъ своимъ въ походѣ, 1557 г., на Исламъ-Кермень и Очаковъ ([1]); подъ 1573,1574, и 1576гг.—кн. Дм. Петр. Палецкій, служивавшій у наряда и головою, но при каждомъ назначеніи не оставлявшій бить челомъ *въ мѣстѣхъ*; подъ 1574,1576 и 1577 гг.—Ѳед. Пучко Молвяниновъ. Дьякъ Ив. Григ. Выродковъ съ отличіемъ служилъ у наряда при взятіи Казани въ

([1]) Объ этомъ подвигѣ лѣтописцы разсказываютъ такъ: «ходили подъ Исламъ-Кирмень и Вославъ-Кирмень... и за ними ходили Санчаки Очаковской и Тягинской, и дьякъ (Ржевскій) на нихъ учинилъ въ тростнику у Днѣпра подсаду и побилъ изъ пищалей... и подъ Исламъ-Кирмень пришелъ Калга, а съ нимъ весь Крымъ... и бился съ нимъ (Ржевскій) изъ пищалей 6 дней, да отогналъ ночью стада конные, да на островъ къ себѣ перевезъ, и по Заднѣпрью по литовской сторонѣ вверхъ пошелъ и расшелся съ царевичемъ дьякъ (Ржевскій) далъ Богъ здорово».—См. Ист. Гос. Рос. т. VIII пр. 469.

1552 г., а десять лѣтъ спустя, онъ же начальствовалъ посохою въ походѣ на Полоцкъ. Дьяки Тер. Лихачевъ и Андр. Клобуковъ также показываются въ третьихъ у наряда: первый подъ 1577 и 1578 г., а второй подъ 1577—1579 г. Быть можетъ, они же первые засѣдали въ Пушечномъ Приказѣ, существованіе котораго при царѣ Иванѣ IV Грозномъ доказывается слѣдующимъ мѣстомъ царской грамоты 1582 г. въ Кириллов монастырь: «И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и выбъ велѣли емчужному мастеру Васкѣ Казакову сварити въ своемъ онбарѣ, всею Кириловскою вотчиною, тридцать восмь пудъ емчуги (селитры) добрые перепущеные, опричь дерева, которуябъ емчуга пригодилась къ ручному зелью, а сваря ту емчугу прислали бы есте къ намъ на Москву, *въ пушечной приказъ*, на срокъ, на сборное воскресенье, однолично безо всякого переводу (1)».—Этому же Пушечному Приказу, а до учрежденія его, вѣроятно, Большой Казнѣ (2), были подвѣдомы упоминаемые въ царствованіе Ивана IV литейные мастера: Игнатій (1542), Степанъ Петровъ (1553) (3), Богданъ, Андрей Чоховъ, писавшій себя на многихъ орудіяхъ «ученикомъ Кашпира (4)», и Первой Кузминъ. Изъ произведеній ихъ уцѣлѣли: 1) дробовикъ Игнатіевъ, о которомъ сказано выше. 2) Пушка 5¹/₂ ф. калибра, съ изображеніемъ на казенной части россійскаго герба, а подъ нимъ имени: *Богданъ*, и надписью: «Іоаннъ Божіею ми-

(1) Акты Арх. эксп. т. I. № 317.
(2) Доп. Ак. Ист. т. I. № 112.
(3) Тамъ же т. V № 51 (с. 301).
(4) Тамъ же.

лостію Царь и Великій Князь, Государь всея Руссіи, въ лѣто $\frac{7071}{1563}$»; хранится въ С. Петербургскомъ арсеналѣ; 3) пищаль *Инрогъ* (единорогъ), 68 ф. калибра, вѣсомъ 453 п. 35 ф., съ изображеніемъ позади казенной части звѣря единорога и надписью:» Божіею милостію повелѣніемъ Государя Царя Великаго Князя Ивана Васильевича всея Руссіи здѣлана сія пищаль інърогъ лѣта 6085 (1577), дѣлалъ Ондрей Чоховъ»; подъ дельфинами изсѣчена шведская надпись,означающая въ переводѣ: «Божіею милостію взята королемъ Карломъ XII въ Эльбингѣ, дек. 3, 1703 г.»; хранится въ С. Петербургскомъ арсеналѣ; 4) пищаль *Онагръ*, 7 пуд. калибра, длиною 5 арш. 14 вер., вѣсомъ 312 п. 27 ф., съ вылитымъ у дула изображеніемъ онагра ([1]) и надписью: «Божіею милостію, повелѣніемъ Государя Царя Великаго Князя Іоана Васильевича всея Руси здѣлана пищал Онагръ в лѣто 7089 (1581), дѣлал первои Кузмінъ»; хранится въ Московскомъ арсеналѣ.— Что касается самой техники тогдашняго артиллерійскаго дѣла, она состояла въ томъ, что орудія отливались—съ готовыми каналами—изъ смѣси мѣди, олова и цинка, либо чугуна, а малыя иногда выковывались изъ желѣза. При отливкѣ, мастера не держались никакихъ опредѣленныхъ размѣровъ, но давали орудіямъ видъ, калибръ, длину и вѣсъ произвольно—разнообразные, при чемъ на тореляхъ и дулахъ вычеканивали затѣйливыя изображенія, по которымъ прозывали орудія одно—*медвѣдь*, другое *дѣвка*, третье *волкъ*, да-

---

([1]) «На ней же-говоритъ далѣе объ этой пищали Смоленская опись 1667 г.—уши съ личинами, у казны и подлѣ ушей и дула травы.... за казною вылитъ репей. См. Доп. Ак Ист. т. V. № 51 (с. 302).

лѣе *левъ*, *соловей*, *аспидъ*, *василискъ*, *лисица*, *змѣй*, *инбросъ* и проч. Части орудія назывались: казенная—*казною*, средняя—*срединою*, дульная—*дуломъ*; цапфы—*вертлюгами*; дельфины—*ушами*; фризы—*поясами*; каналъ—*стволомъ*; лафетъ—*колодою* или *станкомъ*, къ концамъ котораго придѣлывались желѣзныя крючья, «чтобъ канаты имати и пищаль волочити». Названіе пищаль было общимъ для всѣхъ орудій; *пушками* слыли только *можжиры* или мортиры. Пищали употреблялись трехъ родовъ: *стѣнобитныя*, калибромъ до 2½ пуд., длиною до 2 саж.; *затинныя* или *змѣйки* (отъ нѣм. Schlangen) среднихъ калибровъ, употреблявшіяся для крѣпостной обороны, и *полковыя*, иначе *соколки* или *волконейки* (отъ франц. fauconneau и нѣм. Falkonet), короткія, вѣсомъ отъ 6 до 10 пуд. *Можжиры* или *верховыя пушки*, отъ 3 ф. до 9 п. калибра, назначались для стрѣльбы навѣсной. *Гафуницы* или гаубицы (отъ нѣм. Hauffnits) были тѣ же можжиры, только удлиненныя. *Дробовики*, т. е. усовершенствованныя гафуницы, стрѣляли каменными ядрами, иногда щебнемъ. Изъ снарядовъ того времени упоминаются: ядра желѣзныя, чугунныя, каменныя простыя и освинцованныя, нарядныя (бомбы), огненныя (вѣроятно, брандскугели), кувшины съ зельемъ (гранаты) и картечь. Въ большія пищали полагался зарядъ вѣсомъ равный вѣсу снаряда, въ малыя—меньшій, но въ пропорціи неопредѣленной. Огонь сообщали заряду желѣзною *жагрою*, т. е. пальникомъ, въ 2½ арш. длиною, съ фитилемъ, который иногда очень замысловато продергивался сквозь трубочки, проходившія въ клювы орловъ, выдѣланныхъ на верхушкѣ жагры.—Уже въ 1556 г. на Москвѣ отливались мѣдныя орудія: «Какъ къ вамъ ся наша гра-

мота придетъ—писалъ тогда государь новгородскимъ воеводамъ,—и выбъ въ великомъ Новгородѣ купили къ литью мѣди тысячю пятсотъ пудъ, *которая бы мѣдь пригодилась къ пушечному и къ пищалному дѣлу* и тубъ есте мѣдь, часа того, прислали на Москву къ нашимъ казначеемъ.... съ тамошними извощики, на семъ пути (въ мартѣ); а не добудете въ Новгородѣ столко мѣди купити, и выбъ, часа того, сколько вамъ ее мочно добыти, тобы есте и прислали» ([1]). Усиленіе на Руси руднаго дѣла чрезъ вызовъ, въ 1557 г., русскимъ посломъ Непеѣ Вологжаниномъ рудокоповъ изъ Англіи, и дозволеніе, данное въ 1567—1569 г. Англичанамъ завести горнозаводское селеніе на Вычегдѣ ([2])—доставляло русскимъ возможность содержать нарядъ многочисленный,—и царь Грозный въ 1552 г. имѣлъ съ собой подъ Казанью однихъ тяжелыхъ орудій 150, въ 1563 г. подъ Полоцкомъ 200, а въ арсеналахъ и складахъ его, по свидѣтельству самовидца Кобенцеля, всегда бывало наготовлено всякихъ орудій не менѣе 2000 ([3]).—Даже у разбойника-атамана Ермака, при началѣ покоренія Сибири въ 1581 г., находились орудія, хотя и разнокалиберныя, но достигавшія цѣли отлично, какъ видно это изъ свидѣтельства «Сибирской лѣтописи», гдѣ, въ описаніи боя казаковъ съ Маметкуломъ на р. Тоболѣ, сказано: «Рустіи людіе начаша стрѣляти изъ *пищалей*, и изъ *пушечекъ скорострѣльныхъ* и изъ *дро-*

([1]) Тамъ же, т. I № 112.

([2]) Ист. Гос. Росс. т. VIII с. 146. IX. 79.—Историческое начертаніе горнаго производства въ Россійской Имперіи (Германа). 1810 ч. I с. 2.

([3]) Письмо Іоанна Кобенцеля о Россіи XVI в.—См. журн. Мин. Нар. Просв. 1842 сентябрь отд. II с. 150.

бовыхъ, и изъ *затинныхъ*, и *шпанскихъ*, и изъ аркабузовъ, и сими побивающе поганыхъ безчисленное множество ([1])». Вообще можно сказать, что организація артиллерійскаго дѣла въ до петровской Руси никогда не стояла на такой удовлетворительной степени, какъ при Иванѣ IV Грозномъ, царствованіе котораго въ средѣ самаго народа успѣло образовать истинныхъ артиллеристовъ. Дѣйствительно, отличныя для того времени дѣйствія 150 тяжелыхъ орудій подъ Казанью въ 1552 г., слѣдуетъ объяснять, кажется намъ, не одною находчивостью—пожалуй, искуствомъ—тогдашняго начальника наряда, боярина Морозова, и помогавшаго ему дьяка Выродкова, но также хорошимъ знаніемъ своего дѣла пушкарями, по крайней мѣрѣ, московскими, которые и технику артиллеріи разумѣли не хуже итальянцевъ и нѣмцевъ. Доказательствомъ послѣдняго можетъ служить, напр., посылка въ 1555 г. московскихъ пушкарей Дороги Болотова до Васюка Олексѣева въ Новгородъ, «къ наряду ядеръ дѣлати и запасу пасти», съ повелѣніемъ мѣстнымъ властямъ, чтобъ» ноугородцкимъ кузнецомъ.. ядра дѣлати круглые и гладкіе, *и каковы имъ укажутъ пушкари*, а на самое дѣло отпустить разныхъ припасовъ и, между прочимъ, «восмъ ужищъ лняныхъ, по двадцати саженъ ужищо, *каковы выберутъ пушкари* ([2])». Не ограничиваясь хорошимъ знаніемъ тогдашней артиллерійской техники, московскіе пушкари временъ Грознаго уже умѣли блюсти честь своего оружія—и въ 1578 г., подъ Венденомъ (Кесью), прежде чѣмъ сдать нарядъ торжествую-

---

([1]) Лѣтопись Сибирская, изд. въ 1821 г. Спасскимъ, с. 31.
([2]) Доп. Акт. Ист. т. I № 72.

щимъ нѣмцамъ, *повѣсились на своихъ орудіяхъ*. Этотъ славный подвигъ, справедливо названный у Карамзина «чудеснымъ дѣломъ московскихъ пушкарей», былъ прямымъ слѣдствіемъ безславныхъ поступковъ царскихъ воеводъ, которые, мѣстничаясь между собою, не шли ни туда ни сюда и только «кручинили» царя своими отписками, «а въ те поры—досказываетъ Разрядная Книга—собрались немецкие люди и литовские люди многие, и пришли на великаго князя воеводъ подъ городъ; і воеводъ великаго князя побили, и детей боярскихъ многихъ, а иныхъ живыхъ поймали, а нарядъ весь взяли; а наряду взяли волка, 2 девки, да змей перновской, да 3 верхнихъ, да 7 полуторныхъ, да три скорострѣльныхъ (1)». Изъ двухъ начальниковъ наряда подъ Венденомъ—старшій, окольничій Вас. Ѳед. Воронцовъ, былъ убитъ, а помощникъ его, дьякъ Андрей Клобуковъ, взятъ въ плѣнъ. Не мудрено, стало быть, если вслѣдствіе опытовъ, подобныхъ венденскому, у пушкарей временъ Грознаго уже начинали складываться *свои* преданія, напр., слѣдующее—о видѣніи кузнеца Дороѳея въ 1581 г. во время знаменитой осады Пскова Стефаномъ Баторіемъ: «Видѣ Дороѳей Богородицу идущу изъ Печерскаго монастыря во градъ Псковъ... и глагола кузнецу: *старецъ! иди, скажи воеводамъ, чтобъ поставили пушку Трескотуху въ нижнемъ бою, а пушкарябъ взяли, которой на большомъ роскатѣ, гдѣ ты приписанъ*... и сама своею рукою указала шатры королевскіе.... и Воєводы велѣша по нихъ ударити изъ наряду.... и многихъ Пановъ добрыхъ туто побили... и король побѣжалъ ко Черехѣ рѣкѣ, и тамо ставъ за

(1) Синбирск. Сборн. с. 67. (Разрядн. кн.).

горами на промежицѣ ([1])». Наконецъ, отъ временъ же Грознаго дошла къ намъ и *первая чисто-пушкарская пѣсня*, повѣствующая о «Казанскомъ взятьѣ» такъ:

Вы, молодые ребята, послушайте,
Что мы, стары старики, будемъ сказывати,
Про грознаго царя Ивана Васильевича,
Какъ онъ нашъ Государь Царь подъ Казань городъ ходилъ,
Подъ Казанку подъ рѣку подкопы подводилъ,
За Сулай за рѣку бочки съ порохомъ каталъ,
А пушки и снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ.

А Татаре по городу похаживаютъ,
И всяко грубіянство оказываютъ,
Они грозному Царю насмѣхаются,

А и не быть нашей Казани за Бѣлымъ за Царемъ!
Ахъ какъ тутъ нашъ Государь разгнѣвался,
Что подрывъ такъ долго медлится,
Приказалъ онъ за то пушкарей казнить,
Подкопщиковъ и зажигальщиковъ.
Какъ всѣ тутъ пушкари призадумалися,
А одинъ пушкарь поотважился:
Прикажи, Государь Царь, слово выговорить!
Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить,
Тогда лишь догорѣли зажигательныя свѣчи,
И вдругъ разрывало бочки съ порохомъ,
Какъ стѣны бросало за Сулай за рѣку.
Всѣ Татаре тутъ, братцы, устрашилися,
Они Бѣлому Царю покорилися ([2]).

([1]) Ист. гос. росс. т. IX прим. 577.

([2]) Сказанія русскаго народа, собр. И Сахоровымъ. 1841 т. I кн. III с. 252

До какой степени умѣнье обращаться съ орудіями было вообще не чуждо тогдашнему русскому люду— доказываетъ событіе въ Москвѣ, ознаменовавшее собою самые первые дни правленія сына и преемника Грознаго, царя Ѳедора (1584—1598): тысячъ двадцать москвичей, возбужденныхъ ненавистью къ любимцу царя, боярину и оружничему Богд. Як. Бѣльскому, устремились къ Кремлю, овладѣли всѣмъ тяжелымъ снарядомъ въ Китай-городѣ и, обративъ Дебосисову царь пушку къ запертымъ Флоровскимъ (Спасскимъ) воротамъ, чуть не начали пальбу, предупрежденную единственно объявленіемъ, что Бѣльскій будетъ удаленъ изъ Москвы.—Собственно же артиллерійское дѣло,— разумѣется, въ техническомъ отношеніи,—не могло особенно подняться въ правленіе Ѳедора, потому что, напр., желѣзо хотя тогда и добывалось уже въ землѣ Корельской, Каргополѣ и на Устюгѣ, но желѣзо ломкое, руды котораго плавились въ горшкахъ, причемъ дутье производилось ручными мѣхами и полученныя крицы разбивались ручными же молотами (¹). Со всѣмъ тѣмъ, литье орудій на Москвѣ производилось дѣятельно, а образчиками его донынѣ остаются произведенія тогдашнихъ мастеровъ Андрея Чохова и Семенки Дубинина. Изъ нихъ Чоховъ отлилъ въ 1586 г. *дробовикъ*, извѣстный теперь подъ названіемъ *царь пушки*, 35 дюйм. калибра, длиною 2 саж. 3 фут. 9 дюйм., вѣсомъ 2400 пуд., безъ цапфъ, дельфиновъ и винграда, съ 4 скобами по сторонамъ, литыми украшеніями у поясовъ и ядромъ въ 120 п. На широкой дульной ча-

(¹) О успѣхахъ горнаго промысла въ Россіи. См. Горный Журналъ 1829 № 2 с. 156.

сти этого причудливаго, неправильнаго по размѣрамъ, но отчетливо-отработаннаго орудія, довольно искусно изображенъ барельефомъ царь Ѳедоръ, на конѣ, въ полномъ царскомъ нарядѣ, съ двумя вѣнцами на головѣ, и читаются надписи (церковно-славянскимъ шрифтомъ): вверху изображенія: «*Божіею милостію Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Івановичъ Государь и Самодрьжецъ всея Великия Росія. Повеленіемъ благовѣрнаго и христолюбиваго Царя і Великого Князя Ѳедора Івановича Государя Самодеръжци всея Великия Росія, при его Благочестивой и Христолюбивой Царице, Великой Княгине Ирине*; съ лѣвой стороны: *слита бысь сія пушка в преименитомъ царьствующемъ граде Москвѣ лѣта 7094* (1586) *втретьее лѣто государства его. Дѣлалъ пушку пушечной литецъ Ондрѣй Чоховъ.* По сказанію поляка Маскѣвича, самовидца московскихъ событій 1611 г. «пахолики (польская сволочь), влѣзали въ это орудіе человѣка по три, и тамъ играли въ карты подъ запаломъ, который служилъ имъ вмѣсто окна ([1])». Кромѣ царь пушки, тѣмъ же Чоховымъ отлиты: въ 1587 г. мѣдная можжира 15 пуд. калибра, длиною 4 ф. 4 д., вѣсомъ 77 пуд. 10 ф., съ ядромъ въ $6^1/_2$ пуд.,—находящаяся въ С. Петербургскомъ арсеналѣ; въ 1590 г. 1) пищаль *Левъ*, 41 фунт. калибра, вѣсомъ 344 пуд., съ изображеніемъ, на дульной части, льва, и позднѣйшею подъ дельфинами, шведскою надписью о взятіи ея шведами въ нарвскомъ бою 1700 г., находится въ С. Петерб. арсеналѣ; 2) пищаль *Скоропега*, 24 ф. калибра, вѣсомъ 220 п., съ

([1]) Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ. 1834 ч. с. V с. 72.

*

изображеніемъ, на дульной части, бѣгущаго крокодила или ящерицы; находится въ С. Петербургскомъ арсеналѣ; 3) пищаль *Троилъ*, вѣсомъ 430 п. и 4) пищаль *Аспидъ*, вѣсомъ 270 п.—обѣ хранятся въ Москвѣ.— Изъ произведеній Семенки Дубинина уцѣлѣли: 1) 1590 г. пищаль *Медвѣдь*, 38 ф. калибра, длиною 2 саж. 2 ф. 10 дюйм., вѣсомъ 290 п. съ сдѣланнымъ позади казенной части, вмѣсто винграда, медвѣдемъ; тоже была взята шведами подъ Нарвою, имѣетъ шведскую надпись и находится въ С. Петербургскомъ арсеналѣ; 2) 1591 г. пищаль *Свитокъ*, 40 ф. калибра, вѣсомъ 290 п. 28 ф., на которой, позади казенной части, вмѣсто винграда, выдѣланъ левъ, борющійся съ дракономъ; хранится въ Москвѣ.

Преемникъ царя Ѳедора Борисъ Годуновъ (1598—1605) интересовался гораздо болѣе литьемъ колоколовъ, нежели орудій, однако и въ его царствованіе артиллерійская часть не останавливалась, какъ это видно изъ слѣдующаго параграфа описи смоленскаго наряда въ 1667 г.: «Двѣ пищали мѣдныя русскаго литья, въ станкахъ на колесахъ, ядромъ по гривенкѣ (фунту) безъ чети, длиною по 3 арш. безъ 5 вер. На нихъ подпись рускимъ писмомъ: ***Божіею милостію, повелѣніемъ благовѣрнаго и христолюбиваго великаго государя царя и великаго князя Бориса Ѳедоровича, всея Русіи самодержца, дѣлана пищаль лѣта*** (на одной) ***семь тысячь сто осмаго*** (1600), ***мѣсяца маія въ 24 день*** (на другой семь тысячь сто дѣсятого (1602), ***дѣлали литцы Никитка Тупицынъ да Юшка Бочкачевъ.*** На нихъ же рѣзаны отъ писма до дула травы, у дулъ головы звѣриныя. Вѣсомъ по 5 пудъ, къ нимъ по 100 ядеръ ([1])».

([1]) Доп. Акт. Ист. т. V. № 51 (с. 307).

Первый самозванецъ (1605—1606) который, по сказанію современниковъ, былъ «на враги своя зѣло ополчителенъ и воинство зѣло любляше»—уже отдалъ приказаніе свозить съ Кремлевскихъ стѣнъ весь нарядъ для какихъ то праздничныхъ маневровъ, предупрежденныхъ однако бунтомъ 17 мая,—и, какъ бы въ память вниманія своего къ артиллерійскому дѣлу, оставилъ по себѣ донынѣ хранящуюся въ Москвѣ мортиру, вѣсомъ 116 п. 32 ф. съ слѣдующею надписью (церковно-славянскимъ шрифтомъ): *Божіею милостію повелѣніемъ Велікаго Государя і Великаго князя Дмітрея Івановича всея великія Росія Самодержца в первое лѣто государства его здѣлана бысть сія пушка в царствующем граде Москвѣ в лѣто 7114* (1605) *сентября в 26 день мастеръ Ондрей Чехов.* Эту мортиру сберегъ и царь Петръ въ 1703 г., когда онъ, вслѣдствіе потери всей артиллеріи подъ Нарвою, велѣлъ отдать на литейный дворъ многія старинныя орудія, даже колокола, но, «по именному своему указу сего мортира переливать не указалъ (1)».

Въ бурное царствованіе преемника самозванцева, несчастнаго Василія Шуйскаго (1606—1610), русское артиллерійское дѣло, повидимому, не упадало. Такъ, въ 1606 г., когда измѣнникъ Болотниковъ обострожился въ Коломенскомъ, «воеводы, разсказываетъ современникъ, по острогу изъ пушекъ биша 3 дни и не могоша разбити, занеже въ земли учиненъ крѣпокъ, а отъ огненнаго бою укрывахуся подъ землю, *ядра же огненныя утушаху яловичьими сырыми кожами.* По

---

(1) О пушечномъ литейномъ искуствѣ въ Россіи, г. Мурзакевича. См. Журн. Мин. Народн. Просв. 1838. Сентябрь.

семъ же взяша у нихъ языка (плѣнника, выдающаго своихъ) и увѣдаша вся умышленія ихъ и коварства и *учиниша ядра огненная съ нѣкоторою хитростію, ихъ же погашати невозможно; но и самѣхъ убиваше ихъ, и тѣми огненными ядрами зажгоша острогъ у нихъ*; они же, оставивше острогъ, побѣгоша» и пр. (1). Въ 1607 г. устюжскій подъячій Анисимъ Михайловъ началъ собирать «Уставъ ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлъ, касающихся до военной науки», и одну изъ главъ его, о заготовленіи огнестрѣльныхъ снарядовъ, началъ такъ: «Должно въ запасѣ имѣть все то, что принадлежитъ къ большому и малому снаряду, великихъ, среднихъ и малыхъ пушекъ, *и огненныхъ и сильныхъ опровергательныхъ дѣлъ*, и городамъ укрѣпленіе въ совершенную надежду отъ всякаго прихода или подвига сопостатъ. И чтобъ въ готовности было желѣза, свинцу и всякіе потребные *огненные составы къ бросанію и стрѣлянію* въ достаточныхъ мѣрахъ (2)». Въ 1608 г. началась достопамятная 16 мѣсячная осада Троице Сергіева монастыря, защищавшагося отъ поляковъ, между прочимъ, желѣзными пищалями отличной работы, образцы которыхъ хранятся въ С. Петербургскомъ арсеналѣ. Въ 1609 г. мѣдныя орудія отливались не только Пронею Ѳедоровымъ въ Москвѣ, но и Иваномъ Москвитиномъ въ Вологдѣ (3), а Смоленскъ, изготовленный тогда къ оборонѣ, имѣлъ на стѣнахъ своихъ, по росписи боярина и воеводы Мих. Бор.

---

(1) Лѣтопись занятій археографической коммисіи. 1861. Вып. 1. Матеріалы с. 55.

(2) Отрывки изъ «Устава ратныхъ, пушечныхъ и друг. дѣлъ». См. Рускій Вѣстникъ. 1811. Май.

(3) Доп. Ак. Ист. т. V № 51 (с. 307).

Шеина съ товарищи, всего 25 орудій ([1]), которыхъ названія, снаряды, вѣсъ зарядовъ и количество прислуги у каждаго, представляемъ, для наглядности, въ слѣд. таблицѣ:

Названія орудій.	Число орудій.	Снаряды.	Зарядъ.	Количество прислуги.
Пищаль 2 саж.	1	300 яд. 12 ф. жел.	12 ф.	1 пушкарь.
Пищаль полуторная	4	по 300 яд. 6 ф. жел.	6 ф.	по 1 — —
— — — — — Смоленск.	1	600 яд. 6 ф. жел.	4 ф.	1 — —
— — 9 пядная.	2	по 300 яд. 4 ф. жел.	4 ф.	по 1 — — и 3 пищальника.
— — сороковая.	7	по 600 яд. 1 ф. жел.	1 ф.	по 1 — —
— — затинная.	9	не показано.		по затинщику или по 4 посадскихъ.
Тюф. 2 пяд. съ тор.	1	300 яд. 4½ ф. кам.	2 ф.	1 пуш. и 3 пищальника.

Вѣроятно, такого же рода орудіями былъ снабженъ и московскій кремль въ *разруху* 1611 г., когда Поляки, по сказанію самовидца Маскѣвича, нашли въ кремлѣ «на каждой башнѣ и воротахъ по 4 и по 6 орудій, кромѣ полевыхъ пушекъ, коихъ такъ много, что и перечесть трудно ([2])».

Съ воцареніемъ Михаила Өедоровича Романова (1613—1645), правительство, озабоченное преимущественно водвореніемъ спокойствія внутри государства, еще наполненнаго шайками своихъ и чужихъ бродягъ, оставалось, такъ сказать, на военной ногѣ, не имѣя ни времени, ни возможности затѣвать что либо новое. Поэтому, всѣ отношенія его къ артиллерійскому дѣлу, по крайней мѣрѣ, въ первые три года царствованія Михаилова, ограничивались безпрестанными наказами городовымъ воеводамъ «въ осадѣ сидѣти безстрашно, да и мѣста всѣмъ людемъ сказати, чтобъ всякой свое

([1]) Акты Историческіе, собранные и изданные Археографическою Экспедиціею т. II № 259

([2]) Сказ. Совр. о Дим. Сам. т. V с. 74.

мѣсто зналъ, гдѣ кому въ осадное время быти; *и наряду имъ и зелья и всякихъ запасовъ пересмотрѣти*; взявъ съ собою осадныхъ головъ и городовыхъ приказчиковъ, *да и пушкарей къ наряду росписати и нарядъ приготовити совсѣмъ, чтобъ нарядъ стоялъ совсѣмъ готовъ, какъ изъ него стрѣлять*. А роспись имъ осадную и сколько будетъ въ осадное время какихъ людей *и съ какимъ боемъ*, прислати къ Гос. Ц. Вел. Кн. Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи тотчасъ (1)». «Да и того—писалось еще—велѣть беречь накрѣпко, чтобъ атаманы и казаки и *всякіе ратные люди* въ полкѣхъ и отъѣзжая по дорогамъ и по селамъ и по деревнямъ, никово не били и не грабили и насилства никакого не дѣлали, и зернью бъ не играли и корчемъ и б..... не держали. А хто ково учнетъ грабить или бить или зернью играть и б..... держать, и тѣхъ за воровство велѣть бить и давать на крѣпкіе поруки, что имъ впередъ не воровать; а хто отъ тово не уйметца, и тѣхъ за воровство бить кнутомъ нещадно (2)». Въ заключеніе же почти каждаго изъ такихъ наказовъ, предоставлялось воеводамъ: «прося у Бога милости и у Пречистые Богородицы помощи, промышлять, смотря по дѣлу, какъ Богъ вразумитъ (3)». Какъ промышляли воеводы именно у наряда и съ нарядомъ—не видно; но личный составъ наряда не былъ великъ: въ 1615 г. подъ Смоленскомъ, при 1000 чел. стрѣльцовъ и 1928 чел. казаковъ (даточныхъ и городовыхъ), показано всего 35 чел. пушкарей (4). Если же, по примѣру

(1) Книги разрядныя, по оффиціальнымъ оныхъ спискамъ, изд. II отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи т. I с. 41.

(2) Тамъ же, с. 74.

(3) Тамъ же, с. 70 и др.

(4) Тамъ же, с. 95.

вышеуказанной Смоленской росписи 1609 г., полагать пушкаря на каждое тяжелое орудіе, а затинщика на каждую затинную пищаль ([1]), то количество наряда и численное отношеніе личнаго состава его къ массѣ прочихъ войскъ, на пр. въ 1616 г. ([2]), можетъ быть наглядно уяснено слѣдующею таблицею ([3]):

Названіе мѣстъ.	Общее число войскъ.	Пушк. и затинщ.	Ворот.	Кузн. и плот.
Алексинъ, г.	87	30	2	—
Арзамасъ, г.	356	30	—	—
Болховъ, г.	659	18	—	—
Боровскъ, г.	145	9	3	—
Брянскъ, г.	497	70	6	4
Бѣлгородъ, г.	810	45	—	—
Валуйки, г.	620	100	—	—
Владиміръ, г.	56	14	—	—
Вологда, г.	472	33	—	—
Волоколамскъ, г.	62	15	—	—
Воронежъ, г.	971	11 34	4	—
Веневъ г.	173	6	17	—
Гремячій, г.	166	44*	—	1
Данковъ, г.	284	20	—	—

([1]) «Затинною называлась—объясняетъ Г. Успенскій—отъ стариннаго слова *затинъ*, что значитъ *зарядъ*, а потому и всякую пищаль можно было назвать затинною. Собственно затинныя пищали назывались *измаговницы*». Пов. о древн. Рус. ч. II с. 369.

([2]) Книги Разрядныя, т. I. с. 174—198. Тутъ прописаны далеко не всѣ города, а только тѣ, гдѣ въ томъ году «были по городамъ бояре и воеводы и діаки и головы отъ литовскіе, и отъ нѣметцкіе, и отъ крымскіе украйны, и въ сѣверскихъ, и въ польскихъ городахъ на городовой службѣ».

([3]) Въ цыфры, отмѣченныя значками, включаются чины ближайшихъ *съ права* наименованій.

Дорогобужъ, г.	780	8		—	—
Дѣдиловъ, г.	351	14	21	5	—
Елецъ, г.	1988	50		18	—
Зарайскъ, г.	446	50		—	—
Изборскъ, г.	81	19*		—	—
Іосифовъ-Волок. мон.	—	19	6	—	—
Калуга, г.	2109	36		26*	—
Кашинъ, г.	248	6		—	—
Кашира, г.	251	20		—	—
Козельскъ, г.	113	40		5	—
Курскъ, г.	1291	50		7	4
Лебедянь, г.	470	40		—	—
Лихвинъ, г.	48	18		—	—
Мещовскъ, г.	118	13		3	—
Михайловъ, г.	461	40		—	—
Можайскъ, г.	156	12*		—	—
Мценскъ, г.	781	10	20	4	—
Нижній-Новгородъ г.	478	22		—	—
Новгор.-Сѣверскъ г.	693	60		8	2
Новосиль, г.	810	20		—	—
Опочка, г.	158	8		—	—
Осколъ, г.	790	30	20	8	—
Островъ. г.	67	15		—	—
Перемышль, г.	85	15		—	—
Погорѣлое-Город., пос.	40	6		—	—
Псковъ, г.	4220	80		—	—
Путивль, г.	1049	50		20	7
Ржевъ, г.	427	7		—	—
Рыльскъ, г.	773	20	25	11*	—
Рязань, г.	829	50	10	—	—
Себежъ, г.	570	20		—	—
Серпуховъ, г.	111	30		7	—

Старица, г.	182	13	—	—
Стародубъ, г.	650	26	4	—
Суздаль, г.	263	12	—	—
Тверь, г.	188	17	—	—
Тихвинъ, г.	772	34	—	—
Торжокъ, г.	273	14	—	—
Торопецъ, г.	558	40*	—	—

Съ 1617 г. входитъ въ обычай воеводамъ, посылаемымъ на города, между прочимъ, предписывать: «пересмотрѣти на городѣ наряду пушекъ и пищалей, и зелья и ядеръ и всего пушечнаго запасу, и всякихъ городовыхъ крѣпостей, да гдѣ пригоже какой нарядъ поставити и имъ въ тѣхъ мѣстахъ таковъ нарядъ изставити, и пушкарей росписати (1)». Этотъ городовой нарядъ, въ случаѣ нужды, могъ быть присоединяемъ къ проходившимъ войскамъ: «А будетъ имъ—гласилъ наказъ воеводамъ, посланнымъ въ 1618 г. къ Стародубу—въ походѣ надобно наряду и зелья и свинецъ, и имъ имать нарядъ, пушкарей и затинщиковъ, и подъ нарядъ и подъ пушкарей и затинщиковъ подводы, и на поворотъ посоху и зелья и свинецъ и всякіе пушечные запасы въ сѣверскихъ городахъ у воеводъ, чтобъ однолично къ Стародубу ихъ походу ни зачѣмъ мешканья нисколько не было (2)».

Едва успѣвъ поочистить государство отъ безчисленныхъ разбойничьихъ шаекъ, правительство Михайлово не оставило вниманіемъ полузабытую технику артиллерійскаго дѣла—и старый мастеръ Андрей Чоховъ въ 1617 г. отлилъ въ Москвѣ пищаль *Царь*

(1) Книги разрядныя т. I. с. 316—317.

(2) Тамъ же, с. 478.

Ахиллесъ, 24 ф. калибра, вѣсомъ 220 пуд., съ надписью: *Божіею милостію и повелѣніемъ Благовѣрнаго и Христолюбиваго Великаго Государя Царя и Великаго князя Михаила Θеодоровича всея Руси Самодержца и иныхъ многихъ государствъ Государя и Обладателя. Слита сія пищаль царь Ахілесъ въ преименитомъ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта 7125 (1617) въ четвертое лѣто государства его. Лилъ пищаль пушечный мастеръ Ондрей Чоховъ.* Подъ дельфинами высѣчена шведская надпись, показывающая что пищаль эта, хранящаяся теперь въ С. Петербургскомъ арсеналѣ, тоже побывала въ рукахъ шведовъ, которые захватили ее въ 1703 г., подъ Эльбингомъ (¹). Послѣ отливки Чоховымъ «Царя Ахілеса», начинають упоминаться литейщики: въ 1621 г. Игнатій Максимовъ; въ 1622 г. Андрей Даниловъ и Алексѣй Якимовъ; въ 1626 г. Кондратъ Михайловъ; въ 1627 г. Богданъ Васильевъ; въ 1628 г. Григорій Наумовъ и Фалькъ.—Въ томъ же 1628 г. данъ указъ на Устюжну «дѣлать пищали волконейки въ мягкомъ желѣзѣ и ковать гораздо, и были бы для стрѣльбы казисты, и чтобы разсѣдинъ и раздиранъ въ тѣхъ пищаляхъ не было, и были бы прямы и въ стрѣльбѣ цѣльны (²)».

(¹) Изъ указа 1723 г. октября 17 видно, что пищаль царь Ахиллесъ вымѣнена въ Швеціи и доставлена въ Петербургъ купцами Барсуковымъ и Аникіевымъ, которымъ тогда же выдано по 7 руб. за пудъ.— Кромѣ того, Аникіеву, за неоднократныя покупки въ Швеціи подобныхъ же плѣнныхъ пушекъ, царь Петръ воздвигнулъ на дворѣ С. Петербургскаго арсенала памятникъ, до сихъ поръ остающійся старѣйшимъ образцомъ русскаго ваятельнаго искуства.

(²) О пушечномъ литейномъ искуствѣ въ Россіи. См. прибавленіе къ Московск. Губернск Вѣдомостямъ 1844 г № 35 с. 381.

Должно быть на этихъ же устюжненскихъ заводахъ и въ царствованіе Михаилово отработана хранящаяся въ С. Петербургскомъ арсеналѣ желѣзная пищаль 5 пуд. калибра, длиною 7¼ арш., вѣсомъ 62 п., съ красивою золотою и серебряною по мѣстамъ насѣчкою, узорчатою желѣзною накладкою сверху и остатками оловянной посеребреной, даже кое-гдѣ вызолоченой, оболочки, нѣкогда покрывавшей пищаль.—Что касается тогдашняго состоянія наряда по городамъ,—оно явствуетъ изъ слѣдующихъ данныхъ. Въ 1631 г., когда въ 82-хъ городахъ было всего 3573 ч. подвѣдомыхъ Пушкарскому приказу и изъ того числа на одной Москвѣ 479 чел. (¹), Гдовскій воевода доносилъ что «во Гдовѣ наряду поставить негдѣ, роскатъ сгнилъ и развалился, и у наряду, у мѣдяныхъ и у желѣзныхъ и у полковыхъ пищалей, и у дробовыхъ у желѣзныхъ тюфяковъ, и у верховыхъ у желѣзныхъ пушекъ станковъ и колесъ нѣтъ, а у иныхъ съ мочи огнили; да во Гдовѣ жъ зелейная казна стоитъ и свинецъ и ядра лежатъ подъ церковною Дмитреевскою колоколнею въ полатѣ въ каменной, а двери де и решотка у той полаты деревянныя; а безъ желѣзныхъ дверей быть не умѣть, потому что де около той полаты близко дворы жилецкихъ людей; а желѣза де запаснаго во Гдовѣ и кузнецовъ нѣтъ», вслѣдствіе чего псковскимъ воеводамъ, въ округѣ которыхъ находился Гдовъ, тогда же насланъ указъ: «велѣти смѣтить, сколко во Гдовѣ къ наряду станковъ и колесъ и къ пороховой казнѣ къ полатѣ на двери желѣза надобно, и во что то станетъ»; а смѣтя «накрѣпко, вправду,

(¹) Смѣтный списокъ 139 году. См. Врем. Моск. Об. Ист. и Древн. Рос. кн. 4. Смѣсь с. 26—29.

безъ приписки», о томъ подлинно отписать и мѣсту, за дьячьею приписью, прислать, «чтобъ намъ про то вѣдомо было вскорѣ (1)». Въ 1636 г. велѣно поставить новый городъ Тамбовъ, «а наряду указалъ государь въ тотъ городъ послати: *пищаль вѣстовую* мало-болши полуторныя, *двѣ пищали полуторныя* ядро въ 6 гривенокъ (фунтовъ), *двѣ пищали* ядро по 3 и по 4 гривенки, *четыре пищали* ядро по 2 гривенки, да 20 пищалей затинныхъ, да къ пищалямъ ядра смотря по зелью; 20 пудъ зелья пушечнаго, 40 пудъ зелья пищалного ручного, да противъ зелья свинцу по государеву указу; колоколъ вѣстовой въ 15 пудъ, да на городовыя всякія крѣпости 30 пудъ желѣза. Да за нарядомъ же и за всякими пушечными запасы указалъ государь послати съ Москвы пушкарей, смотря по наряду, сколко быть пригоже; а быти имъ у наряду, до тѣхъ мѣстъ, какъ къ тому наряду пушкарей пришлютъ; а на житье указалъ государь въ тотъ новой городъ, къ наряду, послати пушкарей изъ Арзамасу *десять человѣкъ*, да изъ Касимова, да изъ Шацкаго, да изъ Переславля - Резанскаго (Рязани), *десять же человѣкъ*, или въ которомъ городѣ пушкарей болши, *лутчихъ людей* (2)». Въ 1639 г. нарядъ г. Суздаля, *принадлежавшій тамошнему Спасо - Евфимьеву монастырю*, состоялъ изъ «пищали мѣдяной, 6 пищалей желѣзныхъ полуторныхъ и 5 пищалей полковыхъ *Устюжскаго* дѣла (3)». Во всякомъ случаѣ, недостатка въ нарядѣ кажется, быть не могло, пото-

(1) Акт. Арх. Эксп. т. III. № 196.
(2) Тамъ же № 261.
(3) Тамъ же № 291.

му что въ царствованіе Михаила Өедоровича и рудное производство и горнозаводская дѣятельность—усилились. Еще въ 1618—1622 г. англичанинъ Джонъ-Ватеръ, а въ 1626 г. англичане Фричъ и Геральдъ, были отправлены съ дворяниномъ Загряжскимъ въ Пермь, для отысканія руды; въ 1628 г. былъ построенъ и въ 1631 г. пущенъ въ ходъ желѣзный заводъ Ницынскій, въ Тобольской губерніи, и около того же времени началась обработка желѣзныхъ рудъ въ Тулѣ; въ 1632 г. голландецъ Виніусъ построилъ первые вододѣйствующіе заводы Городищенскіе, въ Каширскомъ уѣздѣ; въ 1634 г. Строгановы начали плавить руду въ Перми и, въ помощь имъ, царь выписалъ изъ Саксоніи рудокоповъ; наконецъ, въ 1636 г. гость Надѣя Свѣтешниковъ обыскалъ мѣдную руду на Камѣ—и тогда же шведская королева Христина прислала «въ дарѣхъ» царю Михаилу 10 полуторныхъ пищалей отъ 1 до 1½ саж. длины, но безъ снарядовъ, которые прибирались по кружаламъ уже въ Новгородѣ, гдѣ оставлены и самыя пищали ([1]).

И дѣйствительно, не видно чтобы тогдашнее правительство очень жалѣло, напр., о нарядѣ, который, при отступленіи Шеина отъ Смоленска въ 1634 г., былъ оставленъ Полякамъ, хотя нарядъ этотъ состоялъ изъ *112 орудій*, въ томъ числѣ: 2 пушки по 6 пуд. ядро, 4 пушки верховыя по 4 пуд. ядро, 1 пушка верховая же въ 2 пуд. ядро; 32 полуторныя длинныя пищали отъ 2 п. 10 ф. до 3 ф. ядро; да 73 пи-

---

([1]) Горн. Журн. 1826 г. № 2 с. 8—10. Пам. Моск. Древн. с. LXIX LXX. Доп. Акт. Ист. т. III. № 53 (с. 179).

щали короткія отъ 4 до 3 ф. ядро (¹). Добавимъ, что начальниками потеряннаго такимъ образомъ наряда были Ив. Арбузовъ и дьякъ Ив. Костюринъ, наказъ которымъ, данный въ 1632 г., т. е. при самомъ вступленіи ихъ въ должность, вполнѣ поясняетъ тогдашній артиллерійскій обиходъ на Руси и обязанности начальниковъ наряда. «Государь Царь и Вел. Князь— говорится въ этомъ наказѣ—велѣлъ (такимъ-то) быти на своей государевѣ службѣ, въ походѣ.... у наряду; а нарядъ имъ указалъ Государь..... приняти въ Пушкарскомъ Приказѣ (у такихъ-то). И (такимъ-то) приняти имъ.... нарядъ, и къ тому наряду зелье, и свинецъ, и ядра, и всякіе пушечные запасы, и пушкарей и кузнецовъ; а сколько какого наряду, и зелья (опять перечисляется все)... въ походѣ (съ такими-то) быти, и имъ (такимъ-то) дана подъ симъ наказомъ роспись за дьячьею приписью; да имъ же.... приняти въ розныхъ Приказѣхъ въ походъ (съ такими-то).... для ратнаго дѣла, по росписи, мушкеты, и алебарды, и барабаны, и кожи барабанные, копейца желѣзные, и фетили, и лопаты, и заступы, и кирки; а подводы подъ тотъ нарядъ, и подъ (опять перечисляется все) взяти имъ въ Приказѣ у дьяка Григ. Волкова, а класть на всякую подводу по 15 пудъ; а принявъ имъ.... гдѣ что указано имъ взяти по росписи, и быти имъ... у наряду; а какъ имъ, будучи у наряду, государевымъ дѣломъ промышляти, и имъ о томъ докладывати (такихъ-то); а пушкарей и всякихъ людей, которые съ ними будутъ у наряду, смотрѣти по часту, и пушкаремъ и кузнецомъ, и плотникомъ и вся-

(¹) Книги Разрядныя т. II. с. 479.

кимъ людемъ, которые у наряду будутъ, велѣть быти безотступно; а принявъ (гдѣ и что) сказати имъ..... (такимъ-то) (1)».

Но къ какимъ бы соображеніямъ ни приводили представленныя здѣсь данныя, извѣстно, что въ царствованіе Михаилово артиллерійское дѣло на Руси уже намѣревались опять вручить иноземцамъ. Такъ, полковникъ Александръ Лесли, отправляясь въ 1630 г. за границу, для найма въ русскую службу офицеровъ и ратныхъ людей, въ заключеніи докладной записки своей, поданной имъ передъ отъѣздомъ, говорилъ: «будетъ государь укажетъ купить въ нѣмецкихъ государствахъ пушекъ желѣзныхъ и ядеръ литыхъ, или мушкетовъ и латъ, и онъ о томъ промышлять радъ. А лучшее де дѣло, чтобъ государь велѣлъ о томъ писати отъ себя государя къ Свейскому королю, и король за то не постоитъ; а хотя и купить въ Свеѣ, ино передъ иными землями податно, потому что у Свейскаго мѣдь и желѣзо готовое, *въ Свейской землѣ и мастеровыхъ людей много* (2)». Отвѣтомъ на это служила слѣдующая *память* полковнику Александру Лесли: «какъ онъ будетъ въ Свейской или въ иныхъ въ которыхъ нѣмецкихъ земляхъ, и Александру *приговорити нѣмецкихъ мастеровыхъ охочихъ людей къ пушечному къ новому дѣлу, что дѣлаетъ на Москвѣ пушечный мастеръ галанецъ Юлисъ Куетъ*, кузнеца да станочника, да колесника, да мастера, кто бы умѣлъ лить пушечныя желѣзныя ядра; а приговаривати ему

(1) Акт. Арх. Эксп. т. III. № 205.

(2) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Изд. 1813—1819 г. т. III с. 310

тѣхъ мастеровыхъ людей, которые будетъ похотятъ ѣхати государю служить, на *его государевѣ имени* (слѣдуетъ наставленія какъ торговаться и пр.) ([1])». Полковникъ Генрихъ фанъ Дамъ, имѣвшій въ 1631 г. порученіе, подобное Леслиеву, тоже не преминулъ, съ своей стороны, предложить вопросъ: «будетъ надобно *нѣмецкихъ пушкарей, которые къ бою изъ наряду стрѣлять горазди и на многихъ боѣхъ бывали*, и тѣхъ ему призывати ли?» Что отвѣчали Генриху фанъ Даму, и отвѣчали ли, не знаемъ. Замѣтимъ однако, что въ царствованіе Михаилово, именно въ 1633 г., былъ дособранъ Анисимовымъ «Уставъ ратныхъ и пушечныхъ дѣлъ,» явившійся въ 633 главахъ трактующихъ гораздо болѣе объ артиллерійскомъ дѣлѣ въ Европѣ, нежели на Руси.

Въ царствованіе сына и преемника Михаилова Алексѣя (1645—1676), русское артиллерійское дѣло, если вѣрить самовидцу этого царствованія, Котошихину, шло какъ по маслу: «Для войны и приступовъ, повѣствуетъ Котошихинъ, бываютъ въ полкѣхъ пушки, проломные, и полковые, и гранатные, со всякими наряды и запасы: въ царскомъ полку съ 200 пушекъ всякихъ, въ боярскихъ по 50 и по 80 пушекъ всякихъ, которые въ стрѣлецкихъ и въ солдатскихъ и въ драгунскихъ полкѣхъ. А возятъ тѣ пушки и всякіе пушечные запасы, и запасное воинское ружье, — на царскихъ домовыхъ лошадяхъ... А для остереганія или обереганія города, въ большихъ городѣхъ устроены стрѣльцы и казаки, вѣчнымъ житьемъ, пушкари и затинщики и воротники... А въ иныхъ не въ пору-

([1]) Тамъ же с. 321.

бежныхъ городѣхъ, для обереганія города, устроены только однѣ пушкари, и затинщики, и воротники... А пушки и пушечные запасы, и всякое воинское и осадное оружіе посылается въ тѣ городы съ Москвы, смотря по городу... Также въ большихъ каменныхъ монастырѣхъ, для осаднаго времени, пушки и пушечные всякіе запасы и всякое осадное оружіе царское, и въ иныхъ монастырѣхъ для обереганія городовъ (городьбы) отъ воинскихъ людей устроены стрѣльцы и пушкари... А на строеніе пушечное мѣдь привозятъ отъ Архангельскаго города и изъ Свейскаго государства, а иные пушки подряжаются дѣлать Галанцы и Любченя и Амбурцы и привозятъ къ Архангельскому городу. А для пороховаго строенія учинены на Москвѣ и въ иныхъ мѣстѣхъ дворы и мѣлницы; а мастеры у того дѣла бываютъ иныхъ государствъ и Рускіе люди, а работники Рускіе жъ люди» (¹). Быть можетъ, все это и было такъ, но на повѣрку выходитъ иначе.

Правительство Алексѣя Михайловича сначала относилось къ артиллерійскому дѣлу какъ будто съ вниманіемъ, и въ 1647 г. даже приказывало нарядить тридцать человѣкъ московскихъ земскихъ ярыгъ «насыпати землею струбъ *для пушечные пальбы* за Москвою рѣкою» (²). А въ 1648 г. это же правительство отправило новому, да еще «между засѣчными крѣпостями на сурской дорогѣ», городу Инсару нарядъ всего изъ 3 хъ мѣдныхъ и 8-ми затинныхъ пищалей (³),

(¹) О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, современное соч. Григор. Котошихина. Изд. 1840. Главы: VII, статья II. VIII. 8—11. IX. 10.

(²) Замѣтки объ Инсарѣ и его уѣздѣ, Н. Калачева. — См. Архивъ ист.-юрид. свѣд. о Росс. Кн. II, пол. I, с. 55, 61.

(³) Акты Юридическіе, изд. Археографическою коммисіею въ 1838 г. № 374.

что весьма немного въ сравненіи, напр. съ 29 орудіями, посланными въ 1636 г., такому же новому и столько же засѣчному городу Тамбову. Такой образчикъ правительственныхъ отношеній къ артиллерійскому дѣлу, съ теченіемъ времени, вѣроятно, принялъ форму обыденнаго порядка, потому что въ офиціальныхъ бумагахъ, напр., 1660 г., пушки уже не различаются отъ пищалей: «а очищать, Государь, острогу—доносилъ тогда Болховскій воевода царю—нечемъ, *пушекъ въ Болховѣ мало, всего 16 пищалей*, и тѣ малы; а пороху, Государь, въ Болховѣ въ твоей государевѣ казнѣ мало жъ, всего 130 пудъ ручного и пушечного» ([1]). Состояніе городовыхъ нарядовъ вообще становилось не блистательнымъ. Новый воевода такого немаловажнаго пункта, какъ Нижній Новгородъ, принявъ должность въ 1663 г., тогда же отписывалъ къ царю: «И всего въ Нижнемъ Новѣгородѣ наряду, пищалей мѣдныхъ полуторныхъ и волконѣй гладкихъ 21 пищаль, да пищаль желѣзная, и обоего 22 пищали, а къ нимъ по кружаламъ 2675 ядеръ, да запасныхъ 945 ядеръ, *а къ тѣмъ пищалемъ по кружаломъ не пригодятца*, и тѣ всѣ ядра лежатъ въ розныхъ мѣстѣхъ; 63 пищали затинныхъ, а къ нимъ 54 пуда съ полупудомъ ядеръ желѣзныхъ. Да зелья въ пороховой казнѣ 182 п. съ четью пушечного, да 148 п. 7 гривенокъ пищалного и съ деревомъ; и обоего пушечного и пищалного зелья вѣсомъ 330 п. 17 грив. и съ деревомъ; да свинцу 306 п. съ полупудомъ; кулакъ желѣзной; въ пороховой казнѣ бочка сѣры горячіе вѣсу 15 пудъ» ([2]). Въ 1666 г., городъ Сокольскъ,

([1]) Акты Истор. Т. IV. №148.

([2]) Доп. Акты Ист. Т. IV. № 134 (с. 335).

одинъ изъ пограничныхъ, имѣлъ всего наряда 9 желѣзныхъ пушекъ отъ 27 до 30 пуд. вѣсомъ, да при нихъ 11 пуд. 8 ф. зелья, 895 ядеръ, отъ 3 до 6 ф. каждое, и свинцу сѣченаго 7 свиней съ 6 гирями (50 пуд. 5 ф) (1). Въ 1670 г., кромскій воевода, донося государю о необходимости чинить острогъ, писалъ: «Въ Кромахъ *желѣза казеннаго* и казенныхъ кузнецовъ и плотниковъ *нѣтъ*; а пушекъ въ Кромахъ *безъ станковъ лежатъ на земли*, пять пушекъ» (2).

Такое состояніе артиллерійскаго дѣла въ царствованіе Алексѣя, тѣмъ необъяснимѣе, что царствованіе это вовсе не было бѣдно литейными мастерами, изъ которыхъ упоминаются: въ 1650 г. Евсей Даниловъ, Тимоѳей Воинъ, Ѳедоръ Аникинъ; въ 1652 г. Емельянъ Даниловъ; въ 1661 г. Андрей Нейдгардтъ; въ 1665 г. Александръ Григорьевъ; въ 1668 г. Харитонъ Ивановъ, Мартьянъ Осиповъ; въ 1672 г. Якимъ Никифоровъ; въ 1673 г. Андрей Якимовъ, Якимъ Гавриловъ; въ 1674 г. Пантелей Яковлевъ, да ученики: въ 1648 г. Петръ; въ 1658 г. Яковъ Дубининъ. Но издѣлія всѣхъ этихъ лицъ неизвѣстны или не сохранились, кромѣ одной пушки *Единорогъ*, 2 пуд. кальбра, длиною 3 саж. 2 ф. 4 д., вѣсомъ 779 пуд., отлитой въ 1670 г. Мартьяномъ Осиповымъ, который, въ длинной надписи на своемъ произведеніи, между прочимъ, включилъ такія поясненія: *Единорогъ яблоко держитъ, пушка ядро пуститъ; яблоко ядромъ умертви и ядро супостата побѣди*. Нельзя сказать также, чтобъ процвѣтаніе артиллерійскаго дѣла при царѣ Алексѣѣ, еслибъ объ этомъ дѣлѣ тогда заботились, мог-

(1) Времен. кн. 5. Смѣсь, с. 35—36.

(2) Акт. ист. Т. IV. № 216 (с 468).

ло задерживаться чѣмъ нибудь со стороны дѣятельности горнозаводской или рудной, изъ которыхъ ни та ни другая не только не пріостанавливались, но именно при царѣ Алексѣѣ получили новое, небезвыгодное для правительства развитіе, потому что Городищенскіе заводы Виніуса, за истеченіемъ срока привиллегіи учредителя, бывъ взяты въ казну, отданы на 20 лѣтъ голландцамъ Марселіусу и Акемѣ, подъ вѣдѣніемъ Пушкарскаго Приказа, а въ 1670 г. новгородскій гость Семенъ Гавриловъ и датчанинъ Іорисъ уже производили новыя развѣдки въ нынѣшней Олонецкой губерніи ([1]) Не смотря однако на очевидное равнодушіе правительства ко всему вообще артиллерійскому дѣлу, при каждой экстренной надобности въ послѣднемъ, немедленно писались наказы,—и самые внушительные. Такъ, въ 1667 г., когда нижнее Поволжье начинало уже трепетать удали Разина или ей радоваться, изъ Москвы «были посланы на тульскіе и коширскіе желѣзные заводы, съ задворнымъ конюхомъ.. *для литья ручныхъ гранатъ*, пушечные мастеры иноземцы Юстъ Деткерковенъ съ дѣтми съ Ондреяномъ да съ Ягановъ, на ямскихъ подводахъ, наскоро, а велѣно имъ на тѣхъ заводѣхъ вылить *тотчасъ* четыре тысячи ручныхъ гранатъ». «И какъ къ тебѣ ся наша великаго государя грамота придетъ, писалъ государь съ посланными къ владѣльцу заводовъ, а тѣ иноземцы Юстъ Деткерковенъ съ дѣтми на заводы пріѣдутъ: и ты бъ велѣлъ имъ на тѣхъ заводѣхъ четыре тысячи разныхъ гранатъ *лить на спѣхъ, днемъ и ночью, безо всякаго мотчанья* (отлагательства), *оставя всякіе дѣла*; а что къ тому дѣлу надобно мастеровыхъ лю-

([1]) Горн. Журн. 1829. № 2, с. 159—160.

дей и работниковъ и всякихъ снастей, которые на заводахъ есть, и то все далъ бы еси, тотчасъ, что бъ ни за кѣмъ тому гранатному литью мотчанья не было. А одноличнo бъ еси о томъ гранатномъ литьѣ намъ великому государю радѣтелство свое показалъ, чтобъ тѣ гранаты указное число вылить на спѣхъ, всѣ сполна ([1])». Что же касается «всякихъ снастей» требовавшихся къ гранатному дѣлу того времени, съ ними знакомитъ присланная въ 1674 г. изъ Кіева на Москву, въ Малороссійскій Приказъ, «*Роспись, что надобно к гранатомъ которые ныне в Киеве в запасе лежатъ, и къ огнянымъ ядрамъ душистымъ и к смуряднымъ ядрамъ да к смоленымъ и приступныхъ круговъ и къ иныхъ дѣлъ, что к огнястрѣлному дѣлу доведетца быть*». Этою «Росписью» требуются:

Пороху	450 п.	Асса ѳатуда	5 ф.
Селитры	30 п.	Галбимъ	10 ф.
Сѣры горюч.	10 п.	Гуми	2 п.
Конѳара	3 п.	Клею	5 п.
Нашетыру	4 п.	Вина двоиного	50 в.
Колѳоны	3 п.	Укъсосъ	10 в.
Смолы желт.	5 п.	Алленого масла	10 (?)
Антомини крут.	1 п.	Неѳть	10 в.
Терпенътинъ	1 п.	Скипиторна масла	3 в.
Съмолы	30 п.	Бумазѣй	200 арш.
Вару	20 п.	Полотна	1000 арш.
Меркуры суб-		Пенки	50 п.
литатер. пре-		Желы	2 п.
сипитатор.	5 ф.	Веревокъ	1000 саж.
Артути	1 п.	Да мотозовъ веревки	1000 связ.

([1]) Доп. Акт. Истор. V. № 51 (с. 293).

Арзенемкомъ	5 ф.	Бумаги хлопчатой	20 ф.
Шпатулаѳатуда	5 ф.	Воску	5 п.
		Картузной бумаги	10 ст.(¹)

Но на какое именно количество какихъ снарядовъ расчитывалась пропорція всѣхъ исчисленныхъ въ «росписи» припасовъ—того не видно.

Кратковременное правленіе сына и преемника Алексѣева царя Ѳедора (1676—1682) не ознаменовалось особыми улучшеніями русскаго артиллерійскаго дѣла. Г. Устряловъ даже говоритъ, что въ это царствованіе «менѣе всего удовлетворительно было состояніе артиллеріи: въ каждомъ полку солдатскомъ и стрѣлецкомъ было отъ 6 до 8 пищалей, въ вѣдѣніи особыхъ пушкарей, назначаемыхъ пушкарскимъ приказомъ; кромѣ полковыхъ орудій, при разрядномъ шатрѣ, или при начальникѣ корпуса находился большой полковой нарядъ, не болѣе впрочемъ 10 орудій 8, 6 и 4 фунтовыхъ, также подъ управленіемъ особыхъ пушкарей, столько же несвѣдущихъ въ своемъ дѣлѣ, какъ и полковые» (²). Въ Москвѣ однако не переводились еще русскіе литейные мастера, напр. въ 1679 г. Осипъ Ивановъ, Василій и Яковъ Леонтьевы, Ѳедоръ Маторинъ, въ 1680 г. Евсевій Даниловъ; а мастеръ прежняго царствованіи Яковъ Дубининъ отлилъ, въ 1680 г. пищаль *Волкъ*, вѣсомъ 151 пудъ.—Доказательствомъ же заботливости тогдашняго правительства о состояніи нарядовъ по городамъ,—можетъ служить слѣдующая царская грамота корочанскому воеводѣ, писанная въ 1677 г. «Какъ къ тебѣ ся наша Великаго Государя грамота придетъ, и ты бъ писалъ къ намъ, Великому

(¹) Синб. Сборн. (Малороссійскія дѣла, с. 52).

(²) Русское войско до Петра Великаго, Н. Устрялова. См. Библіот. для чтенія. 1856. Іюнь, с. 130.

Государю, тотчасъ и роспись прислалъ за своею рукою, сколько на Карочѣ по городу и по острогу мѣдного и желѣзного наряду, и какого которая пищаль длиною и вѣсомъ, и въ сколько гривенокъ по кружаламъ ядра, и по скольку въ которой пищали по счету ядеръ, и весь ли тотъ снарядъ въ цѣлости и въ станахъ и на колесахъ, и станы и колесы окованы ли, и колько пудъ ручного, и мушкетнаго, и пушечнаго зелья, и то зелье не отсырѣло ли, и къ стрѣльбѣ годится ли, и въ которомъ мѣстѣ то зелье устроено въ погребу, и каковъ тотъ казенной зелейной погребъ, не близколь хоромнаго и всякаго деревяннаго строенья построено, и сколько пудъ свинцу и фетилю и всякихъ пушечныхъ запасовъ порознь; а мѣдныя жъ рваныя худыя пищали, которыя къ стрѣльбѣ негодятся, написать въ роспись именно, а зелья ручного, и пушечного, и мушкетного по фунту запечаталъ съ ярлыки, а тѣ мѣдныя рваныя худыя пищали прислалъ къ Москвѣ по нынѣшнему зимнему пути вскорѣ ([1]).

Въ періодъ времени, занятый сначала соправленіемъ братьевъ Ѳедоровыхъ, царей Ивана и Петра, съ царевною Софіею (1682—1689), потомъ однихъ царей Ивана и Петра (1689—1696), артиллерійскимъ дѣломъ занимались на Руси все-таки болѣе, нежели въ царствованіе Алексѣя,—быть можетъ, потому, что царь-отрокъ Петръ самъ любилъ играть пушками. Для него, напр., 13 янв. 1683 г. «велѣно сдѣлать въ хоромы двѣ пушки деревянныя, мѣрою одна въ длину 1 арш., другая въ 1½ арш., на станкахъ, съ

([1]) Чтенія въ Имп. Обществѣ Истор. и Древностей Россійскихъ. 1856. Кн. II. Отд. II, с. 127.

дышлы и съ колесы окованными». Пушки эти были внутри опаяны жестью, а снаружи высеребрены, станки, дышла и колеса расписаны земнымъ аспидомъ (подъ мраморъ), всѣ внѣшнія украшенія, коймы, орлы и клейма въ кругахъ, репьи—вылиты изъ олова ([1]). А такъ какъ игрушки отрока Петра были только и исключительно строгія миніатюры не—игрушекъ, да притомъ всегда осмысленныя значеніемъ навыка къ тому или другому дѣлу, то мы не задумываемся привести еще одно извѣстіе, что 4 іюля того же 1683 г. стольникъ Гавр. Ив. Головкинъ выдалъ отъ государя изъ хоромъ «шестнадцать пушекъ малыхъ, и въ томъ числѣ пушка большая безъ станку, двѣ пушки большіе на полковыхъ станкахъ, двѣ пушки поменши тѣхъ на полковыхъ же станкахъ, три пушки верховые съ станками, двѣ пушки безъ станковъ большіе, пушка малая безъ станку, три пушки на волоковыхъ станкахъ мѣдные, двѣ пушки желѣзные безъ станковъ, а приказалъ: къ первой пушкѣ сдѣлать два станка, одинъ полковой, другой волоковой, а которые пушки безъ станковъ, къ тѣмъ пушкамъ придѣлать станки полковые и расписать красками цвѣтными, а старые починить и колеса придѣлать новые ([2])». Но артиллерійскія забавы отрока Петра, знакомящія и насъ съ обыденными названіями тогдашнихъ орудій, не ограничивались однѣми пушками безъ станковъ. Въ маѣ 1683 г. русскіе мастера и ученики гранатнаго и огнестрѣльнаго дѣла производили на Воробьевыхъ горахъ, въ присутствіи державнаго отрока, *потѣшную*

([1]) О дѣтствѣ Петра Великаго, И. Забѣлина. См. Архивъ ист.-юрид. свѣд. относ. до Рос., изд Калачова. 1854 кн III с. 174.

([2]) Тамъ же с. 175.

огнестрѣльную стрѣльбу, которою руководилъ огнестрѣльный мастеръ Симонъ Зомеръ, съ 1682 г. принятый въ русскую службу капитаномъ Выборгскаго полка. Эти *потѣшныя огнестрѣльныя стрѣльбы*, очевидно нравившіяся Петру, повторялись и позже, какъ то доказываютъ уцѣлѣвшіе указы Пушкарскому Приказу: 20 янв. 1693 г.—объ отпускѣ 50-ти руб. «на покупку всякихъ огнестрѣльныхъ припасовъ къ потѣшнымъ *нововымышленымъ* огнестрѣльнымъ дѣламъ» и 22 іюля 1693 г.—о сдѣланіи русскими гранатными мастерами, непремѣнно къ 23 іюля, потѣшной стрѣльбы, въ составъ который должны войти: «1) 50 ракѣтъ ручныхъ четвертныхъ и полуфунтовыхъ. 2) 50 же ракѣтъ, *что по земли мечютъ*. 3) 2 колеса. 4) Горшокъ. 5) А что у нѣмчина сдѣлано, и тобъ было готовожъ (1)».

Само собою разумѣется, что при такомъ расположеніи одного изъ двухъ царей къ артиллерійскому дѣлу, хотя и потѣшному, московскимъ литейнымъ мастерамъ, по самому существу званія ихъ, уже не приходилось сидѣть сложа руки,—и они принялись отливать одинъ за другимъ: Яковъ Дубининъ, въ 1685 г ,—пушку *Троилъ*, 45 ф. калибра, длиною 2 саж. 15 верш., вѣсомъ 402 п. съ изображеніемъ, на казенной части, царя троянскаго, хранится въ С. Петербургскомъ арсеналѣ; Мартынъ Осиповъ, въ 1686 г.,—пушку *Новой Персъ*, 43 ф. калибра, длиною 2 саж. 1 арш. 2 вер., вѣсомъ 353 п., съ изображеніемъ Турка, хранится въ С. Петербургскомъ арсеналѣ; онъ же, въ 1690 г.,—пушку *Гамаюнъ*, 6 ф. калибра, длиною 2 саж. 6½ вер., вѣсомъ 102 пуд., находится въ

(1) Акт. Юрид. изд. 1838 г. № 341.

Москвѣ; онъ же, въ 1693 г.,—пушку *Орелъ*, 45 ф. калибра, длиною 1 саж. 2 ар. 1 вер., вѣсомъ 220 п., съ изображеніемъ на дульной части, двуглаваго орла; находится въ С. Петербургскомъ арсеналѣ.—Но и кромѣ этихъ тяжелыхъ подражаній такимъ же образцамъ Якова Фрязина, Андрея Чохова и иныхъ, Москва 1692 г. уже имѣла болѣе изящные образчики русскаго литейнаго искуства, о которыхъ въ дѣлахъ Пушкарскаго Приказа находимъ слѣдующее извѣстіе: «Великіе государи..... указали: для встрѣчи противъ персицкихъ пословъ, въ Московскіе стрѣлецкіе полки..... дать *желѣзныхъ заварныхъ золоченыхъ* по три пушки въ полкъ, съ станки и съ колесы, совсѣмъ на ходу, изъ тѣхъ же пушекъ, которые бывали въ стрѣлецкихъ полкахъ для такихъ же посолскихъ встрѣчь напередъ сего, а послѣ посолской встрѣчи тѣ пушки принять изъ тѣхъ полковъ въ Пушкарской Приказъ, по прежнему (1)». Что касается тогдашняго состоянія наряда по городамъ, о немъ получались въ Москвѣ оффиціальныя донесенія такого рода: «И всего в Верхососенскомъ (1683 г.) желѣзнаго наряду *пять* пищалей к стрѣльбѣ и к походу на готовѣ; к тѣмъ ко всѣмъ пищалемъ четыреста десять ядеръ разныхъ статей, *и откуду тѣ пять желѣзныхъ Пищалей и в которомъ году в Верхососенской присланы, того въ Приказной избѣ не написано.* Въ казенномъ погребѣ: тринадцать пулекъ свинцовыхъ, да зелья пушечнаго и ручнаго двѣнадцать пудъ; в томъ же казенномъ погребѣ свинцу девять пудъ двадцать двѣ гривенки, *а откуду то зелья и свинецъ и в которомъ году в Вер-*

---

(1) Тамъ же.

хососенской прислано, того в запискѣ не сыскано ([1])». Или: «и всего по городу (Опочкѣ, 1691 г.) и что было до пожара по острогу, мѣдного и желѣзного наряду шестнадцать *путекъ, въ томъ числѣ и дирявая пушка.* А къ тѣмъ *пищалемъ* большихъ и мелкихъ ядеръ три тысячи восемьсотъ шестьдесятъ пять ядеръ ([2])». Добавимъ, что въ этотъ же періодъ соцарствія, и именно въ 1689 г., изданъ *наказъ пушкарскому головѣ,* впрочемъ, содержащій въ себѣ изложеніе общихъ мѣръ полицейскаго благочинія—и только одно для насъ любопытное мѣсто: «А у пушечныхъ, и у колоколныхъ, и у всякихъ литейныхъ дѣлъ быть ему (головѣ) безпрестанно; а что будетъ на пушечной дворъ къ литью и на подѣлку, ко всякимъ дѣламъ, надобно какого лѣсу или иныхъ какихъ запасовъ, и ему (головѣ) лѣсъ и всякіе запасы велѣть въ рядѣхъ у торговыхъ людей, съ цѣловалниками, и съ пушечными и съ колоколными и съ иными мастерами, приторговывать, по святой непорочной Евангелской заповѣди Господни, вправду, безъ прибавочной цѣны, и тому покупные росписи, за своею и за цѣловалниковыми руками, подавать въ Пушкарскомъ Приказѣ, и тое покупку записывать въ книги именно, какихъ чиновъ у людей, или которыхъ селъ и деревень у чьихъ крестьянъ, и у кого имяны порозвь, какіе припасы куплены будутъ ([3])».

Но уже близилось время, когда «пушечнымъ, колоколнымъ и всякимъ литейнымъ дѣламъ» надлежало разъединиться, обособиться и начать новое развитіе

([1]) Времен. кн. 20. Смѣсь. с. 38—39.

([2]) Тамъ же, кн. 25 с. 183

([3]) Акт. Истор. т. V. № 190 (с. 328).

порознь, связываясь единственно безусловнымъ подчиненіемъ волѣ одного и того же державнаго повелителя. Объ этомъ знаменательномъ времени, по отношенію его къ русскому артиллерійскому дѣлу, мы будемъ говорить въ слѣдующей статьѣ.

А настоящую статью, задачею которой было уяснить не столько *ходъ* и *развитіе*, сколько *характеристику* артиллерійскаго дѣла въ до-петровской Руси, намъ хотѣлось бы заключить сжатою характеристикою правъ и преимуществъ лицъ, сословно служившихъ при нарядѣ, и дѣятельности Пушечнаго, потомъ Пушкарскаго, Приказа, какъ учрежденія стоявшаго во главѣ наряда.

Начнемъ съ пушкарей.

Названіе *пушкарь* изстари давалось на Руси тому кто умѣлъ заряжать пушку и стрѣлять изъ пушки. Въ названіи *пушкарь*—различія между русскимъ и не русскимъ не было. Какъ сословіе, принадлежащее къ разряду низшихъ сословно-служилыхъ людей и обязанное исключительно службою при нарядѣ, пушкари являются только со временъ царя Ивана IV Грознаго, положившаго начало и постоянному русскому войску, и организаціи служилыхъ сословій, по крайней мѣрѣ, низшихъ. Изъ какихъ именно людей образовалось зерно пушкарскаго сословія—съ точностію опредѣлить трудно. Но вѣрнѣе, что этими людьми были *даточные*, т. е. даваемые извѣстными обществами, по требованію правительства, въ опредѣленномъ количествѣ и на опредѣленный, всегда короткій, срокъ, по окончаніи котораго они возвращались къ прежнимъ занятіямъ, а съ новымъ требованіемъ правительства являлись—тѣже или другіе--опять, при чемъ служившій

въ прошломъ году пушкаремъ, т. е. у пушки, могъ отслуживать нынѣшній или коннымъ казакомъ или пѣшимъ ратникомъ. Когда же царь Иванъ IV задумалъ и сталъ приводить въ исполненіе планъ постоянныхъ службъ, ему было всего естественнѣе велѣть *прибирать* на службу къ городовымъ нарядамъ или даточныхъ, уже прислуживавшихъ у орудій, или такихъ *охочихъ* людей, которые «стрѣлять горазди». Послѣднее качество, и позже временъ Грознаго, давало право на предпочтительный *приборъ* въ пушкари, не обязывавшій новоприбираемаго никакими формармальностями, кромѣ ручательства по немъ уже служащихъ пушкарей, о которомъ скажемъ послѣ. Но въ какое бы время и при какихъ бы условіяхъ ни совершилось первоначальное образованіе пушкарей, какъ сословія, исторія застаетъ это сословіе съ правами, принадлежавшими ему и потомъ. Такъ, пушкарямъ изстари отводились въ городахъ земельные участки, на которыхъ они селились особыми слободами, пользовались каждый своимъ участкомъ потомственно, отправляли всякіе промыслы и, съ развитіемъ городскаго состоянія, какъ члены городскаго общества, изъятые, за службу, отъ нѣкоторыхъ поборовъ, но не отъ повинности городоваго дѣла (1), могли избираться горожанами въ должности таможеннаго головы и цѣловальника (2), имѣли право безпенно варить для себя опредѣленное количество питей (3) и были подсудны: въ дѣлахъ уголовныхъ съ посторонними лицами—мѣстному губному старостѣ и цѣловальнику; въ дѣлахъ

(1) Акт. Ист. т. IV № 216—V № 53.

(2) Полн. Собр. Зак. изд. 1830 №№ 876, 879, 880.

(3) Улож. гл. XVIII ст. 53.

неуголовныхъ съ тѣми же лицами—общему суду мѣстнаго воеводы и своего головы, а въ дѣлахъ между собою, даже уголовныхъ, только своему головѣ или приказу ([1]). Жалованье пушкарямъ не было велико. При царѣ Иванѣ IV оно не превышало 2 р. въ годъ деньгами съ гривною на соль, полуосмины муки въ мѣсяцъ и единовременной дачи полуосмины крупъ съ полуосминою толокна въ случаѣ выступленія въ походъ ([2]). Московскимъ пушкарямъ, всегда считавшимся почетнѣйшими городовыхъ, давалось сверхъ того «годоваго по сукну по доброму человѣку, цѣна по два рубля сукно ([3])». Въ царствованіе Алексѣя Михайловича пушкари получали деньгами отъ 2 до 5 р. въ годъ, да хлѣбомъ: старшая статья—по 9 четверт. ржи и по 9 четв. овса, а младшая—по 6 четверт. ржи, по 3 четверт. овса и по $1^1/_8$ четверт. ячменю ([4]). Такое положеніе пушкарей, особенно въ то темное жесткое время, не могло не привлекать многихъ охотниковъ, изъ которыхъ дѣлались пушкарями только тѣ, кто представлялъ за себя ручательство служащихъ пушкарей. Это ручательство, выражаемое письменно, называлось *поручною записью* и излагалось такъ: «Се язъ (имя) портной мастеръ, да язъ... красильникъ, да язъ... шапошникъ, да язъ... сынъ коробейщиковъ, да язъ... сынъ кожевниковъ, да язъ... рыбникъ, да язъ... свѣчникъ, *всѣ мы московскіе пушкари*, поручилися есми пушкарскому головѣ... по новоприборномъ московскомъ пушкарѣ по (имя), въ

(1) Исторія судебныхъ инстанцій, Ѳ. Дмитріева 1859 с. 102—103.
(2) Акт. Арх. Эксп. т. III № 205—Доп. Акт. Ист. т. I № 72.
(3) Доп. Акт. Ист. т. I № 13.
(4) Доп. Акт. Ист. т. III № 36.

томъ, что служити ему за нашею порукою, государева царева... пушкарская служба всякая, зимняя и лѣтняя, годовая и временная, походная и посылошная, и гдѣ его Государь Царь пошлетъ на свою Царскую службу: и ему (имя), за нашею порукою, съ Государевой службы не сбѣжать ни въ Крымъ, ни въ Литву, ни въ Нагаи, ни въ Нѣмцы, ни къ которые государства не отъѣхать, ни красть, ни розбивать, ни зернію не играть, ни корчмы ни бл.... не держать и съ воры не знатца, ни надъ Государевою казною хитрости ни въ чемъ не учинити. А не учнетъ онъ за нашею порукою Государевой службы служить, или учнетъ какимъ воровствомъ воровать и надъ Государевою казною въ чемъ хитрость учинитъ, и на насъ на порутчикахъ пеня Государя Царя...., а пеню, что Государь укажетъ, наши порутчиковы головы въ его головы мѣсто; а кой насъ порутчиковъ будетъ въ лицахъ, на томъ пеня и порука и Государево годовое денежное и хлѣбное жалованье и соль, по книгамъ(1)». По новоприборномъ изъ городыхъ пушкарей въ московскіе, поручная запись формулировалась нѣсколько иначе: «мы лебедянскіе пушкари и затинщики... выбрали есми на *вѣчную службу* въ московскіе пушкари трехъ человѣкъ, съ женами и дѣтьми *и съ братьями* и съ ихъ пушкарскими животы (имяна) для того, что они у насъ, на Лебедяни, *люди добрые, животами прожиточны и семьянисты, и не стары, и не увѣчны, и съ московскую пушкарскую службу и съ пушечную стрѣльбу* ихъ будетъ; въ томъ мы на нихъ и выборъ дали» (2).

(1) Акт. Юрид. т. I № 306.
(2) Тамъ же № 284.

При переводѣ пушкарей изъ старыхъ городовъ въ новые выбирались пушкари *лучшіе* ([1]). Пушкарскому сотнику въ Москвѣ наказывалось: «въ своей сотнѣ смотрѣти и беречи того накрѣпко, чтобъ во дворѣхъ у пушкарей и которые у нихъ всякіе люди живутъ въ захребетникахъ, татбы, и корчмы, и зерни, и бл..... и душегубства, и иного никакого воровства, и приходу и пріѣзду никакимъ воровскимъ людемъ не было; а будетъ въ его сотнѣ у кого въ десяткѣ явится (перечисленіе того же)...., или кто бѣглой или откуды прихожей къ кому придетъ, и про пріѣзжего извѣщать въ десяткѣ десятскаго, а десятскому (и т. д. до сотскаго, которому)... сыскивати до пряма, а сыскавъ, про то про все извѣщати въ Пушкарскомъ Приказѣ... А будетъ въ его сотнѣ какое воровство объявится его небереженіемъ, и сыщется мимо его и пятидесятниковъ и десятниковъ, и имъ за то быти отъ Государя.... въ наказаньѣ, да на нихъ же доправятъ пеню, на сотникѣ 10 р., а на пятидесятникѣхъ по 5 р., а на десятникѣхъ по 2 р., а на рядовыхъ пушкарѣхъ по 1 р. на человѣкѣ» ([2]). Пушкарскимъ старостамъ и десятскимъ на городахъ предписывалось: «смотрѣть и беречь того накрѣпко, чтобъ въ пушкарскихъ слободахъ лишнихъ иногородныхъ и иныхъ никакихъ людей не было. А которые иногородные и всякихъ чиновъ люди для постою въ слободахъ учнутъ пріѣзжать, и тѣмъ людемъ о постоялыхъ дворѣхъ бить челомъ въ Пушкарскомъ Приказѣ; а въ Приказѣ тѣхъ людей, у кого они начнутъ ставиться, записывать имянно: кто какого чину» и

(1) Акт. Арх. Эксп. т. III. № 261.
(2) Тамъ же, т. IV. № 9.—Акт. Ист. т. V. № 190.

проч. [1]. Кромѣ службы собственно у наряда, пушкари перевозили порохъ [2], посылались съ царскими наказами воеводамъ [3], съ отписками воеводъ государю [4], въ *доѣзды* за неявляющимися на службу помѣщиками [5], въ Польшу и литовскіе города для провѣдыванія вѣстей [6], употреблялись въ писцы [7], къ дѣламъ въ Съѣзжихъ избахъ [8], назначались по собственной просьбѣ, вмѣсто жалованья, въ *недѣльщики* [9], но, заурядъ со всѣми, платили *пятенную* пошлину: съ проданной лошади по алтыну съ рубля, а съ купленной по алтыну съ шерсти [10], и вносили по двѣ деньги съ человѣка *полоняничныхъ* денегъ, на выкупъ плѣнныхъ [11]. Случалось, что пушкари, по недоразумѣнію или недоброжелательству, послѣ 30 и 40 л. службы, перечислялись въ посадскіе [12]. Случалось также, что пушкари, вслѣдствіе столкновенія противорѣчащихъ распоряженій, лишались и промысла и жалованья, не освобождаясь отъ службы; тогда они, съ однимъ изъ среды себя, посылали челобитную къ царю, въ заключеніи которой писывали: «безъ твоего государева денежнаго жалованья и безъ промыслишковъ прожить

---

(1) Акт. Арх. Эк. т. IV № 200.
(2) Кн. Разр. II. с. 1268.
(3) Тамъ же I. 957.
(4) Тамъ же, с. 958.
(5) Ак. Юр. т. II. № 80.
(6) Акт. Ист. т. IV. № 76.
(7) Синб. Сб. (Разр.) с. 150.
(8) Доп. Акт. Ист. т. III № 36.
(9) Тамъ же. т. II. № 48.
(10) Акт. Арх. Эк. т. III. № 241.
(11) Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1859. кн. II. отд. II с. 121.
(12) Акт. Ист. т. IV. № 77.

не мочно, помираемъ съ голоду и въ конецъ погибли. Царь Государь, смилуйся пожалуй» ([1]). У пушекъ и пищалей въ стрѣлецкихъ полкахъ служили также пушкари, а не стрѣльцы, которые званіе пушкарское считали для себя унизительнымъ ([2]). Потомковъ до-петровскихъ пушкарей слѣдуетъ отыскивать въ нынѣшнихъ однодворцахъ ([3]).

Вмѣстѣ съ пушкарями, въ службѣ у наряда считались также *затинщики*, *воротники*, *кузнецы*, *плотники*, *сторожа* и *разсыльщики*.

Затинщиками именовались служилые люди, назначенные дѣйствовать изъ затинныхъ пищалей и состоять при нихъ. Начало затинщиковъ относится къ тому же времени, какъ и начало пушкарей. Содержаніе и права тѣхъ и другихъ были одинаковы. Впрочемъ, въ поручныхъ записяхъ по затинщикахъ встрѣчаются совершенно оригинальныя обязательства, напр. «съ острогу не скинуться и по воинскимъ людямъ изъ пушки стрѣлять неизмѣнно» ([4]).

Воротниками именовались служилые люди, на обязанности которыхъ лежало оберегать ворота городовыхъ остроговъ, т. е. укрѣпленій или кремлей, съ стоявшими въ нихъ и на нихъ пушками. Воротники впервые упоминаются у Строгановыхъ, въ 1506 г. ([5]). Но то были или кабальные или наемные люди, а никакъ не служилые. Жалованье воротниковъ въ 1556 г. не превышало 1 р. деньгами и 24 коробей ржи и овса, обо-

---

([1]) Тамъ же.

([2]) Библ. для чтен. 1856 г. іюнь. с. 120.

([3]) Объ однодворцахъ, С. Соловьева. Отеч. Зап. 1850 г. март.

([4]) Акт. Юр. т. I. № 370.

([5]) Акт. Арх. Эк. т. I. № 143.

его по ровну ([1]). Въ 1647 г. имъ платили уже до 1 р. 50 к., а вмѣсто прежнихъ коробей давали 6 четверт. ржи и 3 четверт. овса на годъ ([2]). Права воротниковъ, какъ членовъ городскаго общества, были одинаковы съ правами пушкарей; но служебныхъ порученій, какъ пушкарямъ, воротникамъ не дѣлалось.

Кузнецы состояли въ штатѣ наряда, но рѣдко случались на городахъ, бывъ чаще сбираемы въ Москву— находиться въ распоряженіи Пушкарскаго Приказа. Обязанностію ихъ было исправлять всякую кузнечную подѣлку пригородовыхъ острогахъ и орудіяхъ. Въ 1556 г. получали содержаніе противъ воротниковъ ([3]), при чемъ, кузнецамъ, находившимся въ Москвѣ, давалось еще по сукну *доброму* (въ 2 р.), или *середнему* (въ 1 р.), или, наконецъ, *рословскому* (въ 4 гривны) ([4]). Въ 1647 г. содержаніе кузнецовъ увеличено до 3 р. и 19 алт. деньгами, да хлѣбомъ 18 четверт. ржи и овса, обоего по ровну ([5]). Кузнецы пользовались тѣми же правами, какъ и воротники.

Плотники, причисленные къ наряду для всякихъ деревянныхъ подѣлокъ, находились, такъ же какъ и кузнецы, не во всякомъ городѣ. Въ 1556 г. получали содержаніе противъ воротниковъ и кузнецовъ; въ 1647 г. давалось имъ по 1 р. деньгами, по 2 алтына на соль, да слишкомъ по 5 четверт. ржи и овса ([6]). Правами пользовались тѣми же, какъ и кузнецы.

([1]) Доп. Акт. Ист. т. I. № 91.
([2]) Тамъ же т. III. № 36.
([3]) Тамъ же. т. I. № 91.
([4]) Тамъ же. № 131.
([5]) Тамъ же. т. III. № 36.
([6]) Тамъ же.

Сторожа и *разсыльщики*, такъ же причислявшіеся къ наряду, выполняли обязанности, поясняемыя самымъ ихъ именованіемъ. Составляя низшую степень служилыхъ людей, лица эти, кажется, не были особою сословною кастою, и если могли занимать какія либо городскія должности по выборамъ, то развѣ въ качествѣ отставныхъ (1).

Весь личный и матеріальный составъ наряда былъ подчиненъ особому Приказу, который во времена царя Ивана IV Грознаго слылъ *Пушечнымъ*, а съ 1627 г. сталъ писаться *Пушкарскимъ*. Годъ учрежденія этого Приказа не найденъ; но извѣстно, что до воцаренія Ивана IV его не было. Кромѣ наряда, Пушкарскій Приказъ вѣдалъ городовое дѣло, засѣчную стражу, колодезныхъ мастеровъ, (2) другими словами, совмѣщалъ въ себѣ и нынѣшнее инженерное управленіе. Въ 1590 г. пушечный приказъ уже имѣлъ свои опредѣленные доходы (3). Въ грамотѣ Сигизмундовой, отъ 20 янв. 1611 г. онъ поставленъ вторымъ между всѣми московскими Приказами (4). Тогда въ немъ засѣдали бояринъ и дьякъ, вѣдавшіе, по выраженію современнаго документа, «всякій бой вогненной (5)». Съ 1627 г. двучленное присутствіе Пушкарскаго Приказа увеличивается прибавкою другаго дьяка (6). Съ 1636 г. въ пушкарскомъ

---

(1) Пол. Собр. Зак. № 1311. (изд. 1830).

(2) Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра Великаго, К. Неволина. См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1844 февраль Отд. V с. 85.

(3) Ист. Гос. Рос. т. X с. 139.

(4) Акт. Ист. т. II № 314.

(5) Тамъ же № 355 (с. 474).

(6) Древн. Рос. Вивл. т. XX с. 380.

Приказѣ являются «чертежчики (1)». Въ 1646 г. подъячимъ Пушкарскаго Приказа, во главѣ всѣхъ прочихъ подъячихъ «болшихъ и середнихъ и меньшихъ статей», повелѣвается «держати у себя луки и пищали, а по вѣстямъ—*подъячимъ коннымъ* быти у головъ въ сотняхъ, а *пѣшимъ* по городу съ головамижъ» и подтверждается, «чтобъ у нихъ у всѣхъ луки и пищали были добрые, *и лядунки* и *натруски* и *рогатины*, а по вѣстямъ будетъ имъ смотръ, и которые у смотру объявятся безъ саадаковъ и безъ пищалей, и тѣмъ въ Приказѣхъ не быть и жалованья не давать (2)». Въ 1690 г. пушкарскому приказу принадлежалъ Кузнечный рядъ въ Москвѣ, за Смоленскими воротами (3).

Стоя во главѣ такихъ обширныхъ управленій, какъ артиллерійское и инженерное, Пушкарскій Приказъ, по самому складу и духу всѣхъ московскихъ Приказовъ, могъ быть только *ничѣмъ* для артиллеристовъ и инженеровъ—даже того времени. Бояре и дьяки, смѣнявшіе другъ друга въ вѣданіи и веденіи дѣлъ Пушкарскаго Приказа, не имѣли и не могли имѣть никакого понятія о части, ввѣрявшейся ихъ призору, и только исписывая столбцы, едва ли умѣли отличать пушку отъ пищали. Замѣчательно, что, кромѣ дьяка Терентія Лихачева, кажется, ни одинъ изъ членовъ Пушкарскаго Приказа, за всѣ полтораста лѣтъ существованія послѣдняго, никогда и ни въ какихъ чинахъ не служивалъ у наряда. Въ силу какихъ уваженій каждый изъ нихъ назначался именно въ Пушкарскій Приказъ? Ни исто-

(1) Акт. Арх. Эк. т. III № 261.
(2) Тамъ же т. IV № 12.
(3) Акт. Ист. т. V № 204.

рія, ни даже разряды, по крайней мѣрѣ, сохранившіеся,—не даютъ на это никакого отвѣта. Со всѣмъ тѣмъ, первоприсутствовавшіе въ Пушкарскомъ Приказѣ бояре, по роду службы своей и предметамъ вѣданія, занимали мѣста почти нынѣшнихъ генералъ-фельдцейхмейстеровъ—и только по этому могутъ они, украшенные мѣстомъ, но не украсившіе мѣсто, быть помянуты—списочнымъ образомъ.

Вотъ хронологическій порядокъ первоприсутствовавшихъ въ Пушкарскомъ Приказѣ до единодержавія царя Петра,—на сколько порядокъ этотъ можетъ быть извлеченъ изъ современныхъ документовъ.

Въ 1611 г. кн. Юрій Дмитріевичъ Хворостининъ, окольничій.

Назначенъ польскимъ королемъ Сигизмундомъ, 20 янв. 1611 г.; но кѣмъ и когда смѣненъ—неизвѣстно.

Въ 1622 г. Иванъ Константиновичъ Карамышевъ, дворянинъ.

Въ 1627—1628 кн. Данило Ивановичъ Мезецкій, бояринъ.

Въ 1628—1632 Михаилъ Борисовичъ Шеинъ, бояринъ.

Въ 1632 г. назначенъ командовать войсками въ Смоленскѣ. Въ 1634 г. казненъ.

Въ 1632—1634 кн. Алексѣй Юрьевичъ Сицкій, бояринъ.

Въ 1636—1646 кн. Андрей Ѳедоровичъ Литвиновъ Мосальскій, окольн.

Въ 1646+1648 Петръ Тихоновичъ Траханіотовъ, окольничій.

Публично казненъ возмутившимся народомъ.

Въ 1648—1651 кн. Михаилъ Петровичъ Пронскій, бояринъ.

Посланъ на воеводство въ Астрахань.

Въ 1651—1654 кн. Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, бояринъ.

Въ 1654—1657 кн. Василій Григорьевичъ Ромодановскій, окольничій.

Въ 1657—1662 кн. Ю. А. Долгорукій вторично.

Въ 1662—1655 кн. В. Г. Ромодановскій, уже бояринъ вторично.

Въ 1665—1676 кн. Юрій Ивановичъ Ромодановскій, бояринъ.

Въ 1677 { кн. Василій Васильевичъ Голицынъ бояринъ.
кн. Ю. А. Долгорукій, въ третій разъ. }

— 1677+1682 кн. Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, бояринъ.

Убитъ въ первомъ стрѣлецкомъ бунтѣ.

Въ 1686—1689 кн. В. В. Голицынъ вторично.

Въ 1689—1694 кн. Ѳедоръ Семеновичъ Урусовъ, бояринъ.

Въ 1694—1696 Автомонъ Ивановичъ Ивановъ, думный дьякъ.

Добавимъ, что первоприсутствовавшіе въ Пушкарскомъ Приказѣ, одновременно съ послѣднимъ, вѣдами иногда одинъ или два другіе Приказа. Такъ, кн. Ю. А. Долгорукій былъ начальникомъ Приказовъ Пушкарскаго и Сыскнаго, а кн. Ѳ. С. Урусовъ и А. И. Ивановъ управляли Каждый Приказами: Пушкарскимъ, Иноземскимъ и Рейтарскимъ.

М. Д. Хмыровъ.

